

РАССКАЗЫ

Лисицына Татьяна

Оглавление

Руанский собор	2
Пригоршня горячего ветра	15
Парижская сказка	19
Попутчица	23
Остановка в прошлом	25
Девочка в зеленых башмачках	28
Хрупкий лёд	31
Праведник поневоле	41
Прежний я	46
Умные половинки	48

Руанский собор

Дмитрий прохаживался по Гоголевскому бульвару, наслаждаясь осенним теплом. Неяркие лучи солнца подсвечивали желтые кроны деревьев, оживляя пастельные тона стоящих по обе стороны старинных домов. Маргарита опаздывала, и Коршунов присел на скамейку. Последние три года его знакомая жила на Сивцевом Вражке, и они часто встречались здесь, чтобы неспешным шагом, обсуждая свои дела, прогуливаться по бульвару, подобно двум хорошим знакомым. Дмитрий повернул голову в тот момент, когда Марго появилась на бульваре, чтобы полюбоваться, как она идет и как глазают на нее окружающие. Сказать, что она была красивой, не сказать ничего. Маргарита обладала элегантностью. Дмитрий не знал, как удавалось его знакомой всегда выделяться на фоне других представительниц женского пола. В этом и заключалось ее магнетическое воздействие на мужчин, которого в свое время не избежал и он сам. К счастью, все обошлось, и они, как и прежде, остались партнерами. Маргарита предпочла одиночество, а он женился на Илоне, наивной и доброй девушке, которая не задавала много вопросов по роду его деятельности.

Сегодня Маргарита была в бежевом длинном пальто и черной маленькой шляпке, одетой набок.

- Давай сходим в музей, - таинственно начал Коршунов, после того, как они обменялись приветствиями. - Мне хочется, чтобы ты взглянула на одну картину.

- Только не говори, что у тебя есть клиент, который решил обзавестись Ренуаром, – засмеялась Марго.

- Прошу тебя, не забегай вперед. Кстати, как ты относишься к импрессионистам?

- Лентяи, которым не хотелось тратить время на выписывание деталей. Хотя вряд ли я разбираюсь в живописи. Мой конек – драгоценности. О камнях знаю почти все. К тому же они остаются живыми, несмотря на проходящие годы в отличие от мертвых пейзажей, застывших под кистью художника.

Коршунов сдавал пальто в гардеробную, наблюдая, стоящую у зеркала Маргариту. Она никогда не прихорашивалась и не красила губы на виду у всех. Могла поправить прядь волос или разгладить оборку на блузке. Дмитрий знал, где висят полотна нужного ему художника, поэтому быстро вел спутницу через залы. Ничего не говоря, он придержал ее локоть перед «Руанским собором вечером». Она высвободила руку, и некоторое время разглядывала картину, чуть склонив голову. Потом повернулась к нему с легкой улыбкой.

- Одна из немногих, которая мне нравится. Я бы повесила ее в гостиной над камином. Если это все, что ты хотел мне показать, пойдем на улицу.

- Ты не хочешь остаться и насладиться другими картинами?

- Когда у меня возникнет подобное желание, я приду сюда одна. Сегодня слишком чудесный день, чтобы проводить его в музее.

Они вышли на Волхонку и, не сговариваясь, снова повернули к Гоголевскому бульвару.

- Так что я должна сделать? Украсть эту картину? – иронически спросила Марго.

Дмитрий кашлянул, зная свою партнершу, мог предугадать ее реакцию. Ему не удалось удержаться от вступления, чтобы она не считала его сумасшедшим. Еще больше смутился, когда начал объяснять, что весь земной шар пронизан кротовыми

норами, в которых можно путешествовать в пространстве и во времени. Кротовая нора обладает монопольным магнитным полем. Для того чтобы использовать его силу, нужно увеличить персональное магнитное поле путешественника. Достигается это просто и одновременно сложно. У тех, кто может прочувствовать состояние полета, ощутить эйфорию, получается легко. Траекторию устанавливаешь сам, удерживая образ человека, с которым собираешься встретиться в прошлом. Идеально получается, если он тебе симпатичен.

Каждая нора имеет ворота. Самые главные находятся вблизи Северного и Южного полюсов, но их много в любой точке земли, а в их городе они, вообще обозначены на карте. Когда он назвал их, с Маргариты слетела элегантность. Лицо исказилось странной гримасой, она стянула шляпку и перчатки, словно ей стало жарко.

- Ты говоришь, Никитские ворота? - она повернулась назад, словно хотела их увидеть.

- Есть еще Арбатские, Пречистенские, Мясницкие, Сретенские, Покровские и Яузские.

Молодая женщина прикрыла глаза, помахивая шляпкой, как веером. Потом вдруг посмотрела на Коршунова и сжала его руку.

- Никитские подойдут. Каждый раз, когда мне плохо, я иду туда и возвращаюсь обновленной. - Она слегка покраснела, подумав, что воспроизвести чувство полета получится легко. Полеты во сне случались довольно часто и приносили непередаваемое ощущение счастья.

Голос у Дмитрия подрагивал от волнения, когда он начал рассказывать то, что узнал у старенького профессора. Если посмотреть на карту Москвы бульвары, разбитые на месте стены белого города, образовывали радугу. Каждые ворота отвечали за свой цвет. Пречистенские за красный, Арбатские за синий, Никитские за фиолетовый, Мясницкие за желтый, Сретенские за зеленый, Покровские за оранжевый - что согласовывалось с цветом линий метрополитена. Исключение составляли Яузские, стоящие рядом с рекой и отвечающие за голубой. Дмитрий вдруг вспомнил, что профессор упоминал, что карта нашего города очень и очень зашифрованная штучка и сколько ее не окольцовывай, город наш все равно останется свободным для тех, кто свободен в своей душе. Никитские ворота должны открыться первыми.

- Так что я должна украсть из девятнадцатого века? - насмешливо спросила Маргарита.

- Наш заказчик хочет исполнить желание мастера.

- Неужели?

- Моне создал столько картин на один сюжет, чтобы убедить нас, что каждое мгновение жизни, каждое биение сердца бесценно, но его идея работает только, когда все картины собраны вместе. - Дмитрий сделал паузу. - Когда я читал о художнике, то узнал, что, пребывая в тревожном состоянии духа, он часто уничтожал свои произведения. И я подумал, что было бы неплохо, если бы ты остановила его.

- О! Так у меня большая задача, - саркастически заметила Маргарита. - Пожалуй, стоит отправиться в прошлое в тот момент, когда он только начинает рисовать соборы.

- Тогда тебе придется прожить там более двух лет.

- Ладно, оставим в покое время моего ... прибытия. Как я смогу вернуться обратно?

- Ворота открываются через солнечный год, который на четверть суток больше календарного. Только ты будешь знать, где откроются ворота в Руане. Твоей якорной точкой на этот раз буду я.

- Мне нужно подумать. Найти книги о жизни Моне. – Маргарита улыбнулась. – Попробовать его полюбить.

- Боюсь, у тебя немного времени. Никитские ворота открываются через два дня. – Дмитрий сжал ее руку. – Пойми, в этих путешествиях нет никакого риска. Тебя не смогут посадить за решетку за то, что ты украла из другого века. – Он хихикнул. – Свидетелей не найдут.

- Мне нужно идти.

- Так ты согласна?

- Если решу одну проблему. В моем гардеробе нет фиолетового пальто, и мне придется обойти много магазинов.

Дмитрий смотрел ей вслед. Трудно поверить, что она пошла по магазинам, скорее отправилась в Ленинскую библиотеку, чтобы отыскать редкие сведения о Клоде Моне. Ко всем прочим достоинствам, Маргарита была очень умной женщиной и к любому вопросу подходила обстоятельно. А еще, она в совершенстве владела французским языком.

Два последующих дня Маргарита пребывала в приподнятом настроении. Идея отправиться в девятнадцатый век вовсе не показалась ей абсурдной. Она словно всегда об этом знала, но не разрешала себе поверить. Дмитрий позвонил утром, когда будущая путешественница еще нежилась под одеялом.

- Надеюсь, не разбудил?

Маргарита зевнула.

- Ты знаешь, что я не люблю разговаривать раньше одиннадцати.

- Прости, но осталось так мало времени, а ты молчишь, - голос Дмитрия стал виноватым.

- Вчера я была в магазине и купила фиолетовое пальто, - она сделала паузу, вспоминая, как сидела, читая о Моне, а потом вдруг поняла, что должна поехать в магазин на Арбате. Казалось, что пальто сшито для нее. Затянутое в талии, спадающее складками до пола, с узкими рукавами, оно казалось до удивления несовременным. Маргарита всегда знала, что опоздала родиться: современный суетливый мир ей не нравился. Считала, что женщина не должна работать. К своей профессии относилась с большим уважением, не испытывая никаких угрызений совести, справедливо полагая, что вполне можно обойтись без драгоценностей. К тому же камни накапливают энергию, получая их по наследству, получаешь букет чужих проблем. Когда исчезает драгоценность, жизнь меняется к лучшему.

- Так ты согласна?

Маргарита бросила трубку. Зная ее характер, Дмитрий вовсе не обиделся. Его бывшая возлюбленная была женщиной капризной и взбалмошной. Он не стал перезванивать. Оделся, вышел из дома и поехал на Сивцев Вражек. За два дня он несколько раз общался с профессором и теперь знал, что нужно делать. Профессор говорил, что самое трудное - определить место, где когда-то находились ворота. И это должен почувствовать сам путешественник. Коршунов поспорил со старичком, сказав, что Никитские ворота находились на пересечении Большой Никитской и бульварного кольца. На что профессор загадочно улыбнулся.

Маргарита встретила в его белом шелковом кимоно с чашкой кофе в руках. Он никогда не видел ее в таком приподнятом настроении. Когда Коршунов увидел, как она оделась, издал удивленный возглас. Фиолетовое пальто и маленькая черная шляпка с перьями казались из того времени. Они отправились пешком по освещаемым солнцем бульварам. Желтые листья, кружась в воздухе, стелились под

ноги. Один из них золотой монеткой опустил на воротник молодой женщины. Когда они дошли до Никитских ворот, Маргарита остановилась.

- Дальше пойду одна. Ты можешь остаться и смотреть.

Неожиданная тишина навалилась на Дмитрия. Непонятно куда делись люди и автомобили. Маргарита сделала движение рукой, словно открывала дверь и пропала. Он бросился вслед за ней и чуть не попал под машину. Водитель, обругав его, уехал. Коршунов вернулся на оживший бульвар и вдруг вспомнил, что собирался предупредить Маргариту, что время вне кротовой дыры и внутри течет по-своему.

Маргарита шагнула на мостовую в тот момент, когда ее внутренние часы сказали «пора». Почувствовала, что падает, расправила крылья, удерживая внимание на таком знакомом по фотографии лице художника. Когда пришла в себя, оказалось, что стоит у витрины магазина. Шарфики, печатки, сумочки. Подняла глаза и прочитала: «Фернан Леви. Магазин одежды». Неужели получилось? Быстро оглянулась, сзади нее величественно возвышался в лучах заходящего солнца Руанский собор. Маргарита застыла не в силах отвести глаз. Собор казался розовым, вонзаясь в голубое небо, плавилась от света остроконечные шпили. Изменчивое солнце, заканчивая день, высвечивало новые и новые украшения, которые вспыхивали подобно драгоценностям. Она не знала, сколько простояла, наблюдая, как, покорившись синеве вечера, темнели башни. Лепной фасад приобрел фиолетовые очертания, посерел и медленно растворился в темноте. Молодая женщина повернулась к витрине магазина и увидела художника. Застыв с поднятой кистью в руке, он созерцал собор. Ее пронзило чувство радости, которое бывает у людей, которые получают удовольствие от совместно проведенного времени. Она решительно вошла в магазин, но вдруг непривычно оробела, спрятавшись за манекеном, демонстрировавшим короткий меховой жакет. Перед Моне на мольбертах стояли три картины. Художник склонился над одной из них и что-то добавил. Потом долго и критически разглядывал свою работу. Воспользовавшись моментом, Марго подошла ближе и увидела почти законченную картину. Поразились, как точно он смог передать свет.

- Я видела его именно таким.

Моне вздрогнул и посмотрел на Маргариту. Его мысли в тот момент были о том, что он зря взялся за эту серию. Ему никак не удавалось передать оттенки света, свидетелем которых являлся день ото дня. Ночью Клоду снился кошмар: собор, вспыхивая то желтым, то красным светом обрушивался на него. Моне окинул взглядом собеседницу, ее лицо было взволнованным, она не отрывала взгляда от мольберта. Вырвавшиеся у Маргариты слова примирили его с картиной, казавшейся ему неудачной. Незнакомка заинтересовала его. Тонкие изогнутые брови, мягкие карие глаза, высокие скулы. Большой рот не портил лица, а, наоборот, придавал очарование. Короткие не по моде завитки доставали до воротника фиолетового пальто.

- А я как раз собирался уничтожить ее, - он показал на картину, ставшую впоследствии знаменитым «Руанским собором вечером».

- Лучше подарите мне.

- Не могу. Она еще не закончена.

- Вы просто устали. Помяните мое слово, вы станете великим художником, а ваши картины переживут века и будут стоять миллионы. - Моне устало улыбнулся, польщенный ее горячностью. - Не составите мне компанию поужинать?

- С удовольствием, если вы чуть-чуть подождете, пока я приведу себя в порядок. Я знаю хорошее кафе недалеко отсюда. Как вас зовут?

- Марго.

- Клод Моне.

Его внимание привлекло пятнышко возле ее воротника, похожее на листок от дерева. Он не смог противиться любопытству и, протянув руку, взял его. Стоял конец февраля, деревья в Париже были голыми. Откуда мог взяться этот листочек? Заметив его удивление, Маргарита поспешно добавила.

- Там, откуда я родом, сейчас осень.

Клод недоверчиво покачал головой и зачем-то спрятал лист в карман, решив, что рассмотрит его позже.

Они отправились на прогулку по Руану. Узкие улочки, игрушечные домики с остроконечными крышами привели Марго в восхищение. Ей захотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться, что вокруг семят француженки в нарядных шляпках с лентами. Глядя на них, она тоже начала делать маленькие шажки и подумала, что ей придется купить парик. Ее короткие волосы на фоне завитых локонов выглядели странно.

Утром Маргарита долго смотрела на спящего Клода с нежностью. Во сне, когда терзания оставили его, лицо выглядело моложе и счастливее, и лишь густая поседевшая борода выдавала возраст. То, что произошло между ними, не имело никакого отношения к заданию. Ей впервые захотелось доставить радость мужчине. Клод пошевелился, просыпаясь. Краткое удивление в его глазах сменило чувство вины.

- Я сейчас уйду, - обиделась Маргарита.

- Нет- нет, - он удержал ее. – Мне надо было вчера сказать правду. Дело в том, что я не свободен.

- Расскажи мне о ней.

Клод сел в постели, глядя на Маргариту. Солнечный луч разгуливал по лицу, и она щурилась. Молодая женщина показалась ему еще красивее, чем накануне. Художник забыл об Алисе, о самой Маргарите. Если бы можно было прямо сейчас начать рисовать... Он вглядывался в лицо молодой женщины, мысленно фотографируя, чтобы позже, в мастерской, перенести воспоминания на холст. Вдруг ему захотелось изменить импрессионизму и выписать каждую черточку ее выразительного лица.

- Не бойся, я не ревнива, - добавила Марго, отчаявшись получить ответ и расценив молчание по-своему.

- Что? – спохватился художник. - Я познакомился с Алисой, когда ее муж заказал мне серию декоративных полотен для особняка в Монжероне. Мы часто встречались семьями, у них пятеро детей, у нас двое. Я написал четыре полотна для зала приемов, посвященные временам года. Этот замок достался в наследство Алисе. – Клод опустил глаза и провел пальцем по простыне, словно решаясь на что-то. Потом быстро продолжил: – Эрнест дал мне этот заказ, чтобы поддержать меня материально, а я завел роман с его женой. Через год у нее родился сын, - художник поднял на глаза Маргариту. – Не знаю, чей это ребенок, мой или Эрнеста. Вскоре после этого заболела и умерла моя жена Камилла. Алиса с детьми переехала ко мне под предлогом помощи в воспитании сыновей. С тех пор, как мы встретились, в моей жизни было только искусство и она. Полгода назад Эрнест умер. Летом, когда закончится траур, мы собираемся пожениться.

- Конечно, ты должен жениться на Алисе, - Маргарита сжала его руку, думая о том, что нельзя нарушить ход времени. Несмотря на неожиданную ревность, почувствовала себя виноватой. Он, по-крайней мере, был с ней честен. Не все мужчины в ее жизни вели себя подобным образом.

За завтраком Марго предложила оставить работу над собором и показать ей город. Он нахмурился.

- Тебе нужен перерыв, а мне спутник, - она улыбнулась, глядя на него поверх чашки кофе. – Я совершенно не ориентируюсь в Руане.

- Ты так ничего и не рассказала о себе. Откуда ты?

Ее лицо осветилось печальной улыбкой.

- Мне не хочется говорить об этом. Пожалуйста. Просто позволь мне иногда быть рядом. Я ... ни на что не претендую.

Моне кивнул. Он и сам чувствовал, что, несмотря на гложущее чувство вины, возникающее при воспоминании об Алисе, расстаться с Маргаритой казалось невозможным. Новая любовь принесла в его жизнь праздник и ощущение молодости.

День был солнечным и морозным с синим небом и бодрящим свежим воздухом. Они ходили пешком, и вся их прогулка была прогулкой света. Будь то старинное здание или готическая церковь, он приводил ее туда, когда солнце освещало его с наилучшей стороны. Клод говорил, что здания, подобно людям, испытывают чувства. В солнечный день веселы, в сумрачный страдают, в дождь вымокают от слез. Радуются свету по утрам и устают к вечеру.

После ужина в ресторане «Корона» они снова вернулись в квартиру на соборной площади, которую снимал Моне. Клод отдохнул и выглядел довольным. Они вместе смотрели на его незаконченные соборы, и картины уже не казались ему безнадежными.

- Пообещай мне одну вещь... - начала Маргарита, и лицо Моне стало серьезным и чуть-чуть виноватым. Он пожал плечами, словно говоря, что не может ничего обещать. – Это не касается ни меня, ни Алисы, только тебя. – Клод неуверенно кивнул. – Не уничтожай ни одной картины.

- Но если я не доволен...

- Ты слишком строг к себе. Уже совсем скоро люди оценят твои работы.

- И я умру богатым и знаменитым, – Он усмехнулся. – Когда Камилла заболела, у меня не было денег на лекарства. Почему известность не пришла тогда, когда я в ней нуждался?

Маргарита вздохнула, вспомнив, что недавно один из его соборов был перепродан за двадцать четыре миллиона долларов.

- Сегодня был чудесный день, но завтра я снова должен работать, - он посмотрел на нее, ожидая возражений, но она только кивнула и сказала, что займется поиском квартиры.

А он-то надеялся, что вечером они снова встретятся.

- Ты вовсе меня не стесняешь. Я был бы рад, если бы...

Она осталась с Моне до самого отъезда. Два раза в неделю от Алисы приходили письма с новостями о детях. Читая их, Клод мрачнел и уходил в себя. Как ни старалась Маргарита подготовиться к разлуке, ничего не вышло. В их последний вечер художник признался, что любит ее, но ничего не может изменить. Она с трудом сдержала слезы.

- Когда ты вернешься в Руан, чтобы закончить работу? – спросила Маргарита, прекрасно зная ответ.

- В феврале следующего года, чтобы поймать такое же освещение.

- Я буду ждать тебя в пять часов в ресторане «Корона» пятнадцатого февраля.

- Но что ты будешь делать почти целый год? Меня беспокоит, что я ничего не знаю о тебе. Даже не знаю, замужем ли ты.

- Я не замужем, но у меня есть свои обязательства. В следующем феврале я снова приеду в Руан. Каждый раз, когда ты захочешь уничтожить картину, вспомни свое обещание.

Маргарита уехала из Руана в Париж, потом путешествовала по Франции, останавливаясь в разных городах. Неожиданная любовь спутала все планы, приключение обернулось мукой. Чтобы лучше понимать Моне, стала изучать живопись, читая специальную литературу и проводя целые дни в музеях. Она не могла сосчитать, сколько раз посещала Лувр. Мысль о том, что скоро здесь выставят картины Моне, наполняла ее гордостью. Мысленно женщина вела с ним долгие разговоры, обсуждая ту или иную картину и, пытаясь видеть мир его глазами. Привычка к одиночеству и умение занять себя не позволили впасть в депрессию.

Пятнадцатого февраля Маргарита пришла в ресторан заранее и попросила столик у окна. Ей хотелось сидеть здесь и смотреть, как тают минуты, приближая долгожданную встречу. На нее, уже одетую по французской моде, с завитыми отросшими волосами, поглядывали мужчины. Лицо Клода осветила счастливая улыбка, когда он ее увидел.

- Не представляю, что бы делал, если бы ты не пришла.

- Но я же обещала.

- Да я и сам с трудом вырвался. В начале февраля серьезно заболел сын. Алиса хотела, чтобы я остался еще на пару дней. Не понимала, почему я должен ехать именно пятнадцатого февраля. Но, судьба сжалилась надо мной: вчера доктор сказал, что Жан вне опасности. Все эти долгие месяцы жил только работой. Не уничтожил ни одной картины. И теперь я хочу отдать тебе те, которым ты подарила жизнь.

- Но, Клод, ты должен попытаться их продать. Через год будет выставка, и ты сможешь выставить не двадцать, а гораздо больше.

Осознав, что она проболталась, Марго чуть не закрыла себе рот рукой.

- Откуда ты это знаешь? Все происходит в тайне.

- Я просто предположила. Ведь это же так естественно, выставлять картины по сериям. Утро, день, вечер. Разве нет? Мне кажется, нам нужно сделать заказ. Не знаю, как ты, а я бы выпила шампанского.

- Конечно, – лицо художника разгладилось. – Я так скучал, что нарисовал тебя по памяти. И это было мое лучшее времяпровождение. Когда работал над картиной, казалось, что прикасаюсь к тебе.

- Ты нарисовал меня? – переспросила Маргарита.

- Да, я нарисовал тебя в Живерни. Я разбил там прекрасный сад. Мне нравится заниматься цветами. – Он долго рассказывал о цветах, но Марго почти не слушала. Мысль о том, что он нарисовал женщину, живущую в другом веке, обеспокоила ее. Она призрак, о ней и от нее ничего не должно остаться.

После ужина отправились к нему. Маргарита переходила от холста к холсту, рассматривая соборы. Моне, стоя у нее за спиной, нетерпеливо дышал в затылок. Неожиданно она почувствовала себя счастливой, здесь перед ней была сама жизнь, каждое мгновение которой неповторимо окрашено в свой цвет. Она повернулась и обняла художника, чувствуя, как щекает шею его борода.

- Ты подарил мне счастье, Клод.

Она почувствовала, что он плачет, их слезы перемешались, и влюбленные отпрянули друг от друга, но тут же снова обнялись и стояли так некоторое время.

Внезапно художник высвободил руки и, отобрав три картины, протянул ей.

- Ты должна их взять. Те самые, над которыми я работал, когда мы познакомились.

- Но я не могу.

- Ели бы не встреча с тобой, я уничтожил бы их.

«Ты не мог уничтожить «Руанский собор вечером», если он висит в музее имени Пушкина», - подумала Маргарита и вдруг почувствовала, как обнаженные до локтей руки покрываются мурашками.

- Они твои, иначе я их разорю сейчас же.

- Хорошо, - сдалась Маргарита, прижимая к груди картины. Почему-то подумалось, что держит в руках около семидесяти миллионов долларов. Ужаснувшись своим мыслям, положила холсты на стол и повернулась к Клоду.

- Ну а теперь взгляни на мою лучшую картину, - он развернул другой холст.

Маргарита ахнула от удивления. Несмотря на нечеткость линий, она узнала себя. Слегка облокотившись на перила мостика над прудом с кувшинками, молодая женщина в белом платье мечтательно глядела вдаль.

- Ты не показывал ее Алисе?

- Она видела все картины.

- И как она отреагировала?

- Алиса слишком умна, чтобы спрашивать. Если хочешь, я все объясню. Когда-то я был в нее безумно влюблен, но сейчас...

- Клод, замолчи! – крикнула Маргарита. Она слышала это слишком часто от других мужчин в свое время и не желала слышать от него, даже если он говорил правду.

- Прости, я ... запутался.

Против ожиданий, Клод не работал три дня. Все это время они провели вместе. Когда Моне опять расставил холсты, Маргарита затосковала. Она все еще любила Клода, но это была уже другая, постаревшая на год любовь. Жить в разлуке оказалось слишком тяжело, и она не вынесет этого второй раз, а он снова пробудет здесь лишь до апреля. Ей наплевать на задание. Двадцатого февраля закончится солнечный год.

Маргарита бережно упаковала подаренные картины, убеждая себя, что лучше исчезнуть, пока она не превратилась в еще одну Алису.

Когда стрелки часов начали приближаться к пяти, она вышла на площадь Руанского собора и подошла к тому месту, на котором оказалась год назад. Крепко зажав в руке свернутые холсты, шагнула вперед и закрыла глаза, пытаясь взлететь, но такое знакомое ощущение, казалось недоступным, ее охватила тоска, а лицо Коршунова расплылось и исчезло. Очнувшись от того, что ее кто-то толкнул. Открыв глаза, с удивлением увидела снующих вокруг людей и уходящий к небу Руанский собор. Лучи солнца окрашивали его фасад в оранжевый цвет. Она почувствовала головокружение, пошатнулась и выронила сверток. Кто-то подхватил ее за локоть.

- Откуда ты здесь? – спросила она, увидев Клода.

- Решил закончить пораньше и пригласить тебя на ужин. – Моне поднял сверток и подал ей. - Что это? – подозрительно спросил он.

- Картины, которые ты мне подарил.

- Ты собиралась уйти от меня, ничего не сказав?

- Я ... хотела, как лучше.

Весь вечер Моне был особенно нежен с ней, но Маргарита, занятая своими мыслями, казалась рассеянной. Неужели она не смогла вернуться из-за своего портрета?

*

*

*

В автобусе, чтобы скоротать время, Илона Коршунова развернула газету. Внимание привлек броский заголовок: «Найдена новая картина Клода Моне». Женщина прочла статью, размышляя, у кого могла подняться рука, чтобы разрезать на кусочки бесценный холст мастера? Находка обнаружилась в тайнике, когда строители начали сносить стену на втором этаже одного из старинных домов в Руане. В этой квартире останавливался художник, работая над знаменитой серией соборов. На картине изображена молодая женщина в белом воздушном платье, облокотившаяся на перила мостика над прудом с кувшинками. Дома она показала статью мужу. Прочитав ее, Коршунов долго сидел, сжав голову руками. Теперь он знал, почему Маргарита не вернулась. Неожиданная мысль посетила Дмитрия, и он быстро вскочил со стула.

Отпустив такси у знакомого дома на Сивцевом Вражке, Дмитрий набрал комбинацию цифр на домофоне и, не дожидаясь лифта, поднялся по лестнице. Дверь долго не открывали, но, наконец, замок щелкнул. Перед ним стояла пожилая женщина лет семидесяти. Вероятно, она куда-то собиралась: маленькую головку с уложенными седыми волосами венчала крохотная черная шляпка.

- Вам кого, молодой человек?
- Здесь раньше жила Маргарита...
- Раньше жила, больше не живет.

Старая леди так быстро захлопнула дверь, что Дмитрий отшатнулся. Он медленно спустился по лестнице и, выйдя на улицу, посмотрел на знакомые окна. Там горел свет и висели те же шторы. И вдруг Коршунов увидел в окне знакомый силуэт. Сколько раз, влюбленный в Маргариту, он часами стоял напротив дома, наблюдая, как она ходит по комнате. Ужасная догадка пронзила Дмитрия. Пожилая дама, открывшая дверь, и была Маргаритой. Всю ночь Коршунов бродил по знакомым бульварам, чувствуя себя бесконечно виноватым. Если бы он предупредил ее, что время в кротовой дыре и на поверхности земли течет с разной скоростью, Маргарита, больше всего на свете гордившаяся своей красотой, скорее всего отказалась бы от задания. Но разве он мог знать, что путешествие займет столько времени и превратит ее в старуху?

Захлопнув дверь, Маргарита подошла к бару и налила французского вина. Внутри нее все клокотало от унижения. Коршунов даже не узнал ее. Ну что ж, все к лучшему. Пусть считает ее затерявшейся в веках. Зато она может оставить у себя то, за что заплатила сорока годами жизни. С бокалом в руке Маргарита уселась перед камином, глядя на висевшие рядом две картины соборов, и вновь пожалела, как не хватает на этой стене знаменитого «Руанского собора вечером», который, несмотря на то, что она держала его в руках, по возвращении в Москву оказался на своем месте в музее. Она сделала еще один глоток французского коньяка и, чувствуя, как улучшается настроение, подумала, что теперь, когда терять в сущности нечего, можно проверить, насколько хорошо охраняется галерея искусств на Волхонке.

КОЗЬЕ БОЛОТО

В Москву я попал случайно. Понадобилось срочно отвезти важные документы, а сотрудник, выполняющий эту работу, заболел. Скромная зарплата рядового инженера не оставляла возможности для путешествий, поэтому командировка в столицу показалась мне подарком, дарованным свыше.

Слегка утомлённый после рабочего дня, я вышел из безликого сталинского здания в небольшой скверик и огляделся. Неожиданно московский начальник обмолвился, что если я надумаю перебраться в Москву, он с удовольствием возьмёт меня на работу с достаточно приличным окладом. Даже в самых смелых мечтах я не залетал так высоко, поэтому оказался и польщён, и озадачен.

Справа от меня шумело Садовое кольцо с вечно спешащими куда-то автомобилями, слева терялся между домами тенистый переулок. Заглянув в карту, я понял, что нахожусь в пяти минутах ходьбы от Патриарших прудов, где начиналось действие романа Булгакова "Мастер и Маргарита". Я достаточно часто его перечитывал, поэтому легко вспомнил первую фразу: "В час жаркого весеннего заката на Патриарших прудах появилось двое граждан". Вдруг меня охватило желание почувствовать ту самую обстановку. Я ускорил шаг и оказался на Малой Бронной.

Четырёхугольный пруд окружали вековые липы. На противоположном берегу приютился бледно-жёлтый павильон с арочными окнами. Несмотря на жаркий солнечный день, здесь царила прохлада. По зеленоватой, искрящейся на солнце водной глади, словно король с королевой, скользили два белоснежных лебедя, сопровождаемые свитой рыжих уток.

Я сделал несколько кругов по дорожкам и почувствовал, что настроение, с которым сюда пришёл, пропало. Ничто не напоминало о Булгакове и его героях. Скорее Патриаршие пруды являлись вотчиной баснописца Крылова, который с видом хозяина присматривал за бронзовыми скульптурами персонажей своих басен. Захотелось присесть, но меня не привлекала ни шумная компания подростков, ни соседство бомжа, мирно храпевшего на солнышке. И вдруг на аллее, параллельной Бронной, я увидел свободное место. На скамейке, лицом к пруду, сидела пожилая дама, одетая в чёрную в белый горошек юбку с оборками и простую светлую блузку, отутюженную и накрахмаленную. Завитые седые волосы уложены в причёску, на руках кружевные перчатки. Я поспешил сесть рядом. Когда чопорная старушка, обмахиваясь веером, закрыла книгу, мой взгляд скользнул по золотым буквам названия: тот самый роман "Мастер и Маргарита".

И тут я решился:

- Извините, вы случайно не знаете, на какой скамейке сидели Берлиоз с поэтом?

Дама повернулась ко мне и смерила с ног до головы строгим взглядом.

- Могу я узнать, зачем вам, молодой человек, эта скамейка?

Я замялся. Действительно, зачем? Я уже пожалел, что задал подобный вопрос, но пожилая женщина, пристально глядя на меня, ожидала ответа.

- Знаете, впервые попал в Москву, люблю Булгакова, - неуверенно начал я. - Вот захотелось почувствовать, как развивалось действие романа.

Старушка заложила закладкой книгу. Её выцветшие голубые глаза, казавшиеся неправдоподобно большими через стёкла очков, остановились на моём лице.

- Время-то к закату близится. Зачем навлекать на себя неприятности?

- О чём вы? - в этот момент у меня мелькнула мысль, что старая леди немного не в себе. - Это же просто роман, выдумка автора. Никакого Воланда не существует.

- Зря вы так уверены в этом. Роман Булгакова написан, как предостережение и имеет под собой реальную основу. Но об этом мало кто сейчас знает, особенно из молодёжи. Так что не советую вам гулять здесь после заката.

Я с сожалением посмотрел на собеседницу. Очевидно, старушка тронулась умом. Неудивительно, что она так странно выглядит. Я сделал попытку подняться, но маленькая рука в кружеве удержала меня.

- В наше время редко встречаешь подобных вам молодых людей, - быстро сказала пожилая дама, видимо, намекая на расположившуюся рядом молодёжную компанию с напитками. - Мы можем продолжить нашу беседу, если вам интересно узнать историю Патриарших прудов. Мои предки жили здесь с того самого момента, как на этом гнилом месте начали строить доходные дома.

Любопытство удержало меня на месте. Я придвинулся поближе.

- Это место в семнадцатом веке принадлежало Патриаршей слободе и называлось Козьим Болотом. Жители пасли здесь своих коз. И когда среди них появлялся чёрный козёл, это означало, что скоро произойдёт несчастье. А уж если этот козёл заходил в ворота дома, то значит, хозяину или кому-то из членов его семьи жить оставалось недолго. Прогнать его могли только с помощью креста. Верующие обратились к патриарху с просьбой освятить нечистое место.

- Так вот, значит, почему они стали называться Патриаршими, - перебил я старушку. - Но ведь пруд-то один?

- Верно, два засыпали. Название осталось, и чёрный козёл остался. Люди называют это место мистическим, а на самом деле оно проклятое. - Вероятно, на моём лице появилось недоверие, которое вовсе не удивило мою собеседницу. - Подними старые газеты, - неожиданно перешла она на "ты". - В девяностые годы во дворах убивали не только так называемых новых русских, но и обычных людей, причём только двое из них были местные, остальные проходили мимо, - она многозначительно посмотрела на меня. - А из всех преступлений раскрыть удалось только одно. Единственное, что было общим: на всех жертвах не было нательного креста. Так что, козёл продолжает существовать, и убийства по-прежнему происходят. Недавно вот узнала от участкового, что пару недель назад нашли труп младенца в помойке.

Я огляделся по сторонам. Солнце начало клониться к закату, окрашивая всё вокруг приятным розовым цветом. Народу заметно прибавилось. Молодые мамы катили вокруг пруда коляски, обнявшись, прогуливались парочки. Чёрный козёл? Да это какая-то страшная сказка.

- Но патриарх же освятил эти пруды? - вдруг вспомнил я.

- Освятить-то, освятил, да это не помогло. Патриарх одно условие не выполнил. Но тебе уже, верно, домой пора?

- Нет, я никуда не спешу. - А откуда вы знаете про чёрного козла?

- Эту историю мне моя прабабушка рассказала. Люди-то думают, что чёрный козёл убрался восвояси. Но как бы не так! Пять лет назад в "Красной Пресне" писали, что люди видели чёрного козла, а один рабочий, подумав, что он сбежал из зоопарка, решил его поймать. - Пожилая леди вздохнула и снова замолчала.

- И что случилось с рабочим? Он умер?

- Пропал без вести.

- А-а-а, - протянул я. - Так что ваша прабабушка рассказывала?

Старушка посмотрела на старинные часики на руке и покачала головой.

- Пора мне. Мы с внучкой обычно в это время ужинаем. Если не приду, она обидится.

Неожиданно у пожилой леди зазвонил мобильный телефон, и она проворно вытащила его из сумочки.

- Задерживаешься, милая? Не спеши. Погода хорошая, я ещё посижу.

- Ну вот, внучка позже будет. Похоже, что тебе всё-таки придётся меня послушать.

Я изобразил на лице довольную улыбку, и она продолжила.

- В семнадцатом веке здесь было настоящее болото, где брали своё начало ручей Чарторый, впадающий в Москву-реку у Храма Христа и речка Бубна, образовавшая пруды в Московском зоопарке. Удобные выпасы позволяли держать коз без присмотра. И вот два пастуха, два друга: Спиридоний и Гаврила влюбились в одну и ту же девушку. Кстати, имя Спиридоний получил в честь святого, бывшего в юности пастухом. Тогда в Козьей слободе стояла Спиридоньевская церковь. По этому же названию есть улица Спиридоновка и Спиридоньевский переулок. Вон в той стороне, - махнула рукой старушка. - Обезумевший от любви Гаврила замыслил убить своего соперника, когда они будут вечером пригонять домой коз. Гаврила нанёс своему ничего не подозревавшему другу удар ножом, а труп бросил в болото. Знал, что найти его там будет невозможно. Только не учёл Гаврила, что душа Спиридония, как невинно убиенного, никак не могла успокоиться и отправиться по своему пути. Она осталась между небом и землёй, оскорблённая и полная желания отомстить. Тут-то и появился дьявол со своим предложением: если Спиридоний станет его слугой, то сможет наказать Гаврилу. И начал Спиридоний работать на дьявола, появляясь под видом чёрного козла на болоте. Конечно, он вскоре раскаялся, но обратной дороги не было. Тут, в общем-то, можно и точку поставить. Если бы... - старушка посмотрела на старинные часики. - Теперь мне уже точно пора.

- Подождите же, - взмолился я. - Вы не рассказали про патриарха.

- Совсем забыла, - пожилая леди улыбнулась. - Святой Спиридоний не мог оставить бедного пастуха в беде и сказал ему, что он должен явиться к Патриарху Гермогену и покаяться. Если Гермоген отпустит его душу с миром, найдёт и похоронит тело, проклятие с Козихи будет снято.

Собеседница снова сделала паузу и начала обмахиваться веером.

- И что же? - нетерпеливо спросил я.

- Патриарх Гермоген оказался очень принципиальным. Он заявил, что прислужник дьявола прощён быть не может. Тогда оскорблённая душа Спиридония снова обратилась к дьяволу, чтобы он уничтожил Патриаршую слободу вместе со всеми церквями, а место это отдал ему навечно. И вот, молодой человек, хочешь - верь, не хочешь - не верь, но дьявол слово своё сдержал. В 1700 году отменили патриаршество, а в тридцатых годах двадцатого века в округе снесли три церкви: Ермолаевскую, Спиридония и Георгия Победоносца, где Чайковский венчался. А ради чего сносили-то? На месте Ермолаевского храма разбили нелепый сквер, а вместо двух других построили неказистые дома из стекла и бетона. Ну, чем тебе не дело рук дьявола и прислужника его чёрного козла?

Я пытался осмыслить и свести воедино всё, что услышал. Получается, если верить словам моей собеседницы, историческое место в центре Москвы до сих пор связано с дьяволом, что подтверждается милицейской статистикой. Убийства здесь происходят чаще, чем в других местах и остаются нераскрытыми. А кто бы мог подумать?! Обстановка здесь самая мирная: пруд, лебеди, утки.

- Ты в Москву не переезжай, как бы она тебя не манила, - вдруг услышал я тихий голос пожилой леди. - Нечего тебе здесь делать.

Я удивился. Откуда старая дама могла знать об этом?

- А почему бы и нет?! Я сегодня хорошее предложение получил. В Москве так много возможностей.

- Опять чёрный козёл и его соблазны, - вздохнула старушка. - Пойми же, дурачок, что те, кто сюда попадают, Богом прокляты. Город, в котором так редко светит солнце, город, в котором большинству людей наплевать на всё, кроме денег. Чтобы выжить в Москве, надо тут родиться. Я много раз пыталась отсюда уехать, но так и не получилось, словно что-то держит меня. Мои прадедушка и прабабушка жили вон там, - она махнула рукой, и я увидел старинный особняк с башенками, они видели чёрного козла перед смертью. А три дня назад и ко мне он явился.

Последние слова прозвучали так тихо, что я подумал, что ослышался:

- Вы видели чёрного козла?

- Да, сидела на этом же самом месте, и вдруг он...

- То есть вы хотите сказать, что среди бела дня здесь появился чёрный козёл? - разошёлся я. - А что же другие люди? Ведь в скверике полно народу! Кто-то ещё должен был его видеть?! Поймать, в конце концов?

- Я тоже раньше не верила, - спокойно ответила пожилая дама. - Это не то, что ты представляешь. Чёрный козёл похож на тень. Мираж, который появляется на мгновение и тут же исчезает. И ты понимаешь, что сама смерть пришла за тобой. Да ты почитай внимательно Булгакова.

Дама стала подниматься со скамейки, и я вскочил, чтобы ей помочь.

- Прощай, молодой человек. И помни: нельзя тебе в Москву. Уезжай к себе и постарайся довольствоваться тем, что есть.

Мы попрощались, я посидел ещё минут десять, но вдруг заметил, как что-то блеснуло между крашеными деревяшками скамейки. Я наклонился и вытащил золотую цепочку с маленьким старинным крестиком. "Неужели старая леди потеряла"? - мелькнула мысль. И сразу вспомнились её слова: на тех, кого убили, не было нательного креста. Я побежал к дому, на который она мне показывала. Но охранник даже не захотел меня слушать, а уж тем более дать номер квартиры пожилой дамы. И тогда я решил, что отдам ей цепочку завтра.

* * *

На следующий день, раздавшись с делами, я попал на Патрики в самый час заката. Здесь опять было многолюдно. Пожалуй, народу было ещё больше, чем вчера. Что-то неприятно тревожило меня с самого утра, но московский начальник завалил меня делами, и я не смог выбраться раньше.

Возле той скамейки, на которой мы вчера сидели, толпились люди. Сердце застучало в груди так, что я чуть не задохнулся. Пробираясь через сгрудившихся любопытных, я заметил знакомый край чёрной юбки в белый горошек.

Мужчина, пытающийся оказать первую помощь, отстранился, и я увидел пожилую даму в том же наряде, неестественно завалившуюся на скамейку. В голове мелькнула мысль: "Если бы я отдал ей крест вчера, старая леди была бы жива".

Я был там, пока не появилась заплаканная девушка, внучка, которой я вернул крестик с цепочкой. Она вскрикнула и побледнела. Не знаю почему, но я оставался в этом проклятом месте уже после того, как старушку унесли, бестолково шагая вокруг пруда и размышляя. Проходя, наверно, в десятый раз мимо знакомой скамейки, я увидел хорошенькую девчушку, принимающую кокетливую позу и парня с фотоаппаратом.

- Сфотографируй меня здесь. Это же та самая скамейка, на которой сидели эти двое, ну из романа Булгакова, помнишь?

Я вздрогнул. Отвернулся от них, растерянно посмотрел на воду. В этот момент неожиданно стемнело, и в свете фонарей почудилось, что ко мне приближается какая-то тень, размером с большую собаку. Меня охватил жуткий страх, которого до сих пор не испытывал. Я не мог дышать, словно кто-то ледяными пальцами сжал горло. Замер на месте, потому что перестали слушаться ноги. Тень пронеслась мимо меня в сторону знакомой скамейки. Мне показалось, что оттуда донёсся сдавленный крик. Когда я пришёл в себя и на ватных ногах пробирался к выходу, то обратил внимание, что люди, сидевшие на скамейках и прогуливавшиеся по аллеям, куда-то исчезли.

Всю ночь проворочался без сна, а под утро мне приснилась знакомая старушка, которая повторила, что чёрный козёл оставит меня в покое, если я останусь в своём городе.

Конечно, кто-то сочтёт меня излишне впечатлительным, но я с удовольствием вернулся домой, а на следующий день купил в церкви крест, который никогда не снимаю. Должен признаться, что переезжать в Москву мне совершенно расхотелось. А историю, случившуюся на Патриарших, я рассказал своему коллеге. Он подтвердил, что бывшая Козиха - странное место: то голоса почудятся, то страх нахлынет необъяснимый. Не иначе, как до сих пор чёрный козёл хозяйничает в своих владениях.

Пригоршня горячего ветра

Лере казалось, что боль притаилась в макушках сосен, в пёстрых стволах берёз, в уставших лицах пассажиров поезда. Слезы, пока ещё сдерживаемые, но уже готовые поползти по щекам, придавали окружающим предметам расплывчатые очертания. Она закрыла глаза и вцепилась в подлокотники кресла, приказывая себе успокоиться.

Дом приветливо распахнул свои объятия, обволакивая приятным, после ветреного апрельского дня, теплом. Валерия бросила дорожную сумку в угол, повесила пальто на крючок. Прошла по квартире, отмечая исчезнувшие вещи: в коридоре нет его тапочек, в ванной зубной щётки, а шкаф, после того как он забрал свои костюмы с рубашками, выглядит осиротевшим. Машинально перебирая вешалки, она неожиданно заметила его свитер. Вытащив его дрожащими пальцами, она уткнулась в нежный кашемир; и снова боль - ещё более сильная - от родного запаха, впитавшегося в ткань. И один единственный вопрос, срывающийся в пустоту: «Как же ты мог бросить меня?»

Лера не помнила, сколько она провалялась, уткнувшись в подушку, перебирая события их жизни с Юрой.

Свадьба, беременность, роды. Чудесный, но болезненный сын Артёмка. Юра тогда уговаривал:

- Для женщины карьера не главное, оставайся дома. Я смогу позаботиться о вас.

Согласилась на роль домашней хозяйки: готовила, поддерживала уют в доме, проверяла уроки, и ждала мужа с работы. Злилась, ревновала, смотрела глупые сериалы, чтобы скоротать время. Ну, а Юра всё чаще задерживался, бормоча нелепые оправдания. И она ещё долго бы терпела, если бы однажды он не заявил, что собирается развестись:

- Ну, пойми же меня, я люблю Галю. Ничего не могу с собой поделать.

Наплевав на гордость, попыталась уговорить:

- Но у нас же семья. Подумай о сыне.

- У Гали тоже будет ребёнок.

Она не выдержала, нагрубила:

- Да как ты мог, ублюдок?!

Он не остался в долгу:

- А ты посмотри на себя в зеркало? Какой мужик захочет с тобой жить?

В его словах была горькая правда – Лера не помнила, когда при взгляде на неё, в глазах мужчин мелькала хоть искорка желания. А с Юрой они уже года три спали в разных комнатах, и она не помнила, когда... Нет, тот раз лучше не вспоминать, он был слишком пьян и назвал её чужим именем.

Звонок в дверь заставил женщину встрепенуться. И побежали мысли, перебивая друг друга: «А вдруг это Юрка? Одумался и решил вернуться? И она больше не будет брошенной. Она простит и никогда не вспомнит». Валерия рванулась в коридор босиком и распахнула дверь.

- Привет! – Вместо мужа перед ней супружеская пара бывших одноклассников: Борис и Наташа.

- Вы? Вы зачем пришли? – Лера попыталась скрыть своё разочарование и запахла поглубже халат. – Я ... сейчас занята.

Молодая женщина сама слышала, что её голос звучал жалостливо. Она, вообще, с трудом сдерживалась, чтобы не разрыдаться. Какого чёрта они явились? Она же думала, что это ОН!

Борька мягко отодвинул её в сторону и вошёл. Наташа протиснулась за ним и прикрыла дверь, избегая смотреть в подруге глаза.

«Они уже ЗНАЮТ! – мелькнуло у Леры в голове. – Ох, как же не хочется ей этих жалостливых взглядов, дурацких разговоров о том, что после развода жизнь только начинается».

- Мы ... это... того... - замялся Борис, сдёргивая с головы смешную шапку с кисточкой, – Юру вчера встретили, он во всём признался. Ты, давай, слёзы не лей, а лучше собирайся. Мы за тобой.

- Я никуда не поеду! - запротестовала Лера.

- Поедешь – поедешь, - Борькин голос звучал грубовато, но твёрдо. - Ната, давай же: помоги ей одеться.

Наташа, сняв сапожки, проскользнула в комнату и бесцеремонно открыла шкаф. Пару раз она что-то спросила, но Лера не ответила. Она отрешённо сидела на разобранной кровати. Какая разница?! Путь делают, что хотят. На неё, как на ребёнка надели спортивную одежду, подали куртку. Даже шнурки на кроссовках ей завязывал Борька. У Леры не было сил сопротивляться, ей хотелось крикнуть: «Оставьте меня в покое! Я собиралась плакать. Плакать и страдать о своей никчёмной жизни».

В машине Лера, положив голову на плечо подруги, почувствовала цитрусовый запах духов. «Интересно, когда она сама последний раз пользовалась духами? А надевала короткую юбку? Когда последний раз крутилась перед зеркалом, любуясь собой? То-то, всё в прошлой жизни».

Лера сама не заметила, как заснула, а когда открыла глаза, увидела, что их автомобиль уверенно оставляет все машины позади, скорости в новеньком форде совсем не чувствовалось. Она взглянула на спидометр: ничего себе, сто семьдесят километров в час. Серой лентой неслось под колёса шоссе. «Вот бы разбиться сейчас! – подумала она. - И не надо жить с мыслью, что она неудачница. О чём ты? – оборвала она себя. - Ребята-то жить хотят, у них всё хорошо».

Борис, сбавив скорость, свернул направо и поехал по просёлочной дороге и вскоре затормозил перед низеньким забором из некрашенных, почерневших от времени досок.

Лера вышла из машины, огляделась: строгие платья зелёных елей, высокие сосны мохнатыми шапками, устремляющиеся в голубое небо, за забором старый бревенчатый дом.

Наташа достала из сумки ключи и отперла покосившуюся калитку.

- Милости просим! – Борька пропустил Леру вперёд.

- Откуда у вас этот дом? – удивилась Лера.

- Тётушка в наследство оставила, - ответила Наташа. - Здесь, конечно, всё разваливается, но мы надеемся со временем построятся.

Пока Борька растапливал печку, его жена деловито накрывала на стол, доставая из сумки продукты.

- Тебе помочь? – выдавила из себя Лера, с некоторым подозрением оглядывая веранду, с перекошенным полом, грязноватыми обоями на стенах и самодельным деревянным столом.

- Лучше выйди на улицу, подыши, - предложила Наташа. - Воздух здесь целебный. Представляешь, на шести сотках двадцать сосен?

Валерия спустилась с крыльца и огляделась: на яблонях распускались первые, клейкие листочки, сквозь прошлогодние листья пробивалась свежая трава. Оказывается, наступила весна, которой она не замечала в городе. Весна без него! Вокруг пробуждается природа, а ей хочется умереть. Ну почему всё это произошло с ней? Ведь она так старалась, всем пожертвовала, буквально растворилась в НЁМ.

- Лера, иди сюда, всё готово! – услышала она Борьки голос.

Она смахнула слёзы и направилась к дому, взывая к остаткам гордости. Надо держаться. Надо! Даже лучшим друзьям нельзя показывать свою боль.

Оказалось, что она даже голодна и с удовольствием поглощала закуски, запивая их домашним вином.

- Ты лучше выглядишь! – заметил, сидящий напротив раскрасневшийся от вина, Борис. – Ты это... даже не думай переживать. У нас есть для тебя сюрприз!

Лера попыталась сделать заинтересованное лицо.

- И что это?

- Идём, сама увидишь. - Он выскочил из-за стола, накинул куртку и посмотрел на жену, складывающую тарелки. – Наталь, приходи к нам. Потом со стола уберём.

Конюшня находилась в конце улицы, у самого леса. В денниках стояло пять лошадок. Молодой конюх с тачкой сена приветливо поздоровался с Борисом.

Валерия вдохнула знакомый с юности запах сена и лошадиного пота, погладила доверчиво высунувшуюся рыжую морду, выпрашивающую лакомство, и вновь почувствовала себя девчонкой, которая обожала лошадей.

- Держи сахар, - Борька протянул ей маленький пакетик. – Это Небылица. Покорми её, она жуткая попрошайка и сладёна. А я тебе Кумира поседлаю, ты прокатишься и поймёшь, что...

- Да ты чего, Боря? – перебила его Лера. - Какого Кумира? Я последний раз в седле...

- Знаю, лет десять назад, - Борька улыбнулся. – А помнишь, родители не давали нам денег, и мы чистили денники, чтобы нам давали поездить в лесу. Ты тогда говорила, что в жизни нет ничего прекраснее, чем скакать галопом?

- Так это когда было-то, - протянула Лера.

- Не волнуйся, ты всё вспомнишь. Помнишь ту бедуинскую легенду, которую любил повторять наш тренер: «И взял Бог пригоршню горячего ветра, и вдохнул своё дыхание в него – и создал лошадь»?

Лера улыбнулась.

- Лучше и не скажешь.

- Мне когда тоскливо, я всегда приезжаю сюда. Прокатишься верхом по лесу, посмотришь вокруг, глядишь - и ты снова счастлив. - И, ещё знаешь, что - Борька, вдруг обнял Леру за плечи, - всё хотел тебе сказать, но боялся: тогда, в той далёкой юности, я был в тебя влюблён.

Валерия с удивлением посмотрела в глаза уже лысеющему тридцатилетнему мужчине, с которым они дружили с первого класса.

- Что ты придумываешь, Борька? Какая любовь? Ведь ты с Наташкой встречался.

- Вокруг тебя вертелось слишком много парней. К тому же, с кем ещё я мог поговорить о тебе? В общем, я так и не осмелился признаться и сделал предложение Наташке.

- Ты всё это придумал, чтобы отвлечь меня? - недоверчиво спросила Лера, но взгляд серых глаз Бориса был слишком серьёзным, ей даже показалось, что он вот-вот наклонится, чтобы её поцеловать. Лера почувствовала себя неловко. Надо же, как получилось. Столько лет молчал и вдруг...

- А Ната знает? - спросила Лера, чтобы прервать затянувшуюся паузу.

- Конечно, - Борис улыбнулся, - и любит пошутить на эту тему. Твоя подруга оказалась чертовски умной женщиной. Потом я понял, что сделал правильный выбор. Ну, всё, осваивайся, а я пойду седлать Кумира. - Его же ещё чистить надо, - Борис так быстро ушёл, что обескураженная его признанием Лера не смогла его остановить.

- Но я не могу сейчас поехать! Я всё забыла! - крикнула Лера в спину Бориса, на что он отрывисто бросил, обернувшись через плечо:

- Кажется, ты никогда не была трусихой.

Лера обиделась. Да, трусихой она не была, это точно. Но снова сесть на лошадь?! Она же весит сейчас килограммов на пятнадцать больше. А ведь когда-то галопом носилась по лесу, но ведь когда-то и муж её любил.

Небылица толкнула её мордой, напоминая о себе. Лера протянула лакомство: мягкие влажные губы нежно коснулись раскрытой ладони, оставив мокрый след. Давно забытое удовольствие.

Борька выводил под уздцы огромного серого жеребца. Возбуждённый предстоящей прогулкой конь, крутил головой, пытаясь вырвать повод, и скалился.

«Бог мой, - подумала Валерия, да этот жеребец сбросит её моментально. Если она сможет, конечно, забраться на него. Она уж точно теперь не сможет подтянуться, а он такой высоченный!»

Борька, увидев её испуганное лицо, улыбнулся:

- Смотри, какого красавца я тебе поседлал! Давай, пошли, Кумирчик истомился в конюшне, капризничает.

Не осмелившись противоречить, Лера последовала за ними. «Наверно, эта прогулка так просто не кончится. Можно и сломать себе что-нибудь. Вот, чёрт. Лезет всякая чушь в голову. Да что она теряет, в конце концов? Ведь хотела же умереть».

Она еле смогла всунуть ногу в стремя, так высоко оно было. Схватила за луку седла и попробовала подтянуться. Ну, где там, она только чуть не упала, а разленившиеся мышцы жалобно взвыли.

- Ну что, старушка, никак? А ведь раньше одним махом взлетала, - издевался Борька. - Подожди, я сейчас тебя подсажу, - он ловко закинул её в седло.

Пока Борька потягивал подпруги и регулировал стремяна, Лера, вцепившись в поводья, пыталась удержать неугомонного коня на месте, еле живая от нахлынувшего на неё страха. Она изо всех сил сдерживалась, чтобы не закричать: «Сними меня отсюда! Я боюсь! Я упаду!»

Борька похлопал коня по шее:

- Ну, вперёд. Дорогу Кумирка знает. Главное – удержишься в седле и не дёргай поводья, он этого не переносит. Мы тебя догоним.

Кумир рванулся галопом, словно собирался взять приз на соревнованиях. От ужаса Валерия вцепилась в гриву и прижалась к его шее. Почувствовав облегчение, конь увеличил скорость. Всем её существом владела одна мысль – только бы удержаться в седле. На узкой тропе, Кумир перешёл на рысь, и она смогла поймать потерянные стремяна. Тропинка привела к широкой дороге, на которой Кумир снова перешёл в галоп.

Лес кончился – перед ними простиралось поле. Валерия почувствовала, что страх исчез, теперь их сердца бились в унисон, а тела слились одно. Время и пространство исчезли, ей казалось, что они одни в целом мире. Она не ощущала под собой земли: только сильные мускулы Кумира и его свободное дыхание. Ей казалось, что они летят по воздуху: не было ни дороги, ни лошади, ни её самой – только полная свобода и чистая радость.

Кумир сам перешёл на шаг и остановился у обрыва над рекой. Малиновый шар солнца, перерезанный пополам узким облачком, завис над быстрой речушкой, окрашивая деревянные дома и белую церквушку, раскинувшиеся на противоположном берегу в розовый цвет. Разгорячённая после скачки, Валерия с жадностью вдохнула свежий, кружащий голову, весенний воздух.

Чувство гармонии охватило всё её существо, и она почувствовала, что любит каждую травинку, каждый листик дерева, каждую капельку бегущей внизу речушки; и никто никогда не сможет отнять у неё этих мгновений счастья. И она вдруг поняла, что больше не останется хныкающей растолстевшей неудачницей, она может и хочет жить. Да, надо признаться себе, что муж ушёл, но ведь это ещё не конец света, а всего лишь конец их, давно исчерпавших себя, отношений и начало новой жизни. Жизни, в которой она сможет найти новую работу, кататься на лошадях, встречаться с друзьями. Да и... возможно... ну а почему нет? Найти новую любовь.

Её переполнило чувство благодарности: она уткнулась в шею коня, чувствуя как жёсткие волоски его гривы щекожут лицо, и прошептала: «Спасибо тебе, Кумир. Ты подарил мне крылья».

Услышав стук копыт, Валерия повернула голову: на рыжих лошадях с развевающимися гривами скакали её друзья. Друзья, которые помогли ей понять, что жизнь, несмотря на все несчастья, остаётся прекрасной.

Парижская сказка

После окончания училища Динка работала медсестрой в районной поликлинике. Пациенты были капризными и нервными, а доктор постоянно пребывал в плохом настроении. Иногда Динка не знала, как бы она жила, если бы с детства не научилась мечтать. Она промывала раны больных, меняла повязки и была уверена, что когда-нибудь это закончится.

Она поедет в Париж и где-нибудь там, среди дворцов и гордо устремлённых ввысь готических соборов, найдёт свою любовь. ОН будет одиноко стоять на мосту или сидеть на скамейке в Люксембургском саду, мечтательно глядя вверх книги. Она подойдёт к нему и что-нибудь скажет. ОН посмотрит на нее, и... они больше не расстанутся.

Даже собственная мать считала свою дочь странной: она не встречалась с молодыми людьми, не ходила на дискотеки, а свободное время проводила, закрывшись в своей комнате, откуда доносились песни на французском языке.

Наскоро перекусив после работы, Динка разложила перед собой карту Парижа, открытки с различными видами и путеводитель. «Итак, - решила девушка, - сначала мы отправимся на остров Сите, откуда с рыбацких поселений и возник сам город, а потом, после урока французского, ведь она же должна знать этот язык, если собирается разговаривать с возлюбленным, прогуляемся по Елисейским полям».

Из музыкального центра раздавался голос Джо Дассена, певший «Champs Elysees», а Динка, стоя на крыше Триумфальной арки с развевающимися на ветру волосами, любовалась открывающейся перед ней панорамой. Она чувствовала ЕГО руку, лежавшую у неё на плече. Они уже нашли друг друга и были вместе.

- Дина, к тебе Алла, - услышала девушка громкий голос матери, возвращающий её в реальный мир.

В комнату ворвалась её единственная подруга, одетая в модные узенькие джинсы и короткий топик. У Аллы была хорошая фигура, и она всячески это подчёркивала, считая, что чем больше у неё будет поклонников, тем больше вероятности, выйти замуж за богатого. Динку она любила, хотя, как и многие, считала «не от мира сего».

- Привет, чем занимаешься? – Алла присела на ковёр и взяла в руки фотографию Триумфальной арки. – Ах, ты опять в Париже?! – её голос прозвучал насмешливо. – Ну, и когда же ты, наконец, на самом деле поедешь туда?

- Этим летом, - спокойно сказала Дина.

- Правда? – сильно подведённые глаза Аллы недоверчиво округлились. – А деньги откуда возьмёшь?

- Я нашла дешёвый автобусный тур с ночными переездами. И если буду экономить...

- Автобусный?! – перебила её Алла. - Да ты не представляешь, что это такое! У меня знакомые ездили, так они вернулись все больные. Сплошные мучения.

- Зато у меня будет целых два дня в Париже, – с вызовом сказала Динка.

- Всего два дня! – Алла чуть не задохнулась от возмущения. – И ты продолжаешь надеяться, что за сорок восемь часов ты успеешь встретить своего Ален Делона и окрутить его настолько, что он предложит тебе руку, сердце и квартиру на авеню Фош?

Динка вздохнула: практичность Аллы всегда угнетала её. Ну почему, почему этот мир стал таким странным? Люди только и думают о деньгах и о том, как их потратить. Парни и девушки оценивают друг друга по тому, какая у тебя зарплата машина, ремонт в квартире? Куда же делась романтика?

- Достаточно одного взгляда, чтобы понять, что люди созданы друг для друга, - девушка стала бережно собирать фотографии, не глядя на подругу и давая ей понять, что она не хочет больше обсуждать эту тему.

Алла молчала, изо всех сил удерживаясь от комментариев. Она уже всё сказала. Пусть едет. Фантазёрка несчастная!

* * *

За два дня в Париже Дина пыталась объять необъятное. Она разрывалась между прогулкой по Сене на катере и посещением музея Родена, о романе которого с Камиллой она прочитала целую книгу. А ещё ей хотелось подняться на Эйфелеву башню и заглянуть, хотя бы на пару часиков, в Лувр. В погоне за достопримечательностями она иногда вспоминала, что где-то здесь, она надеялась

встретить ЕГО. Тогда она начинала вглядываться в прохожих. Но по Парижу бродили, подобные ей, туристы с фотоаппаратами.

Когда до отъезда остался час, Дина снова пришла на остров Сите. Её любимое место. Она застыла перед величественным собором, чувствуя себя уставшей и неудовлетворённой. Ну, вот и всё! Почему она не живёт в этом волшебном городе? И почему она так и не встретила ЕГО?

Но где же она могла ЕГО встретить? Она растерянно огляделась по сторонам. Случилось чудо: толпы туристов куда-то исчезли, и она была почти одна, если не считать молодого человека в джинсах, расположившегося неподалёку с мольбертом. «Счастливец, - подумала Дина, - наверно, живёт в Париже и может в любой момент прийти сюда, чтобы рисовать». Она подошла ближе и заглянула через его плечо. Картина была почти закончена: художник написал Нотр-Дам в вечернем освещении: в свете заходящих лучей солнца он выглядел нежно персиковым.

- Как красиво! – неожиданно для себя сказала Дина по-французски. – Ваша картина напомнила мне «Руанский собор» Моне.

Художник положил кисть и оглянулся на девушку. Её сердце замерло – ну вот они и встретились! В своих мечтах она представляла его именно таким: небрежно одетым, худощавым, с маленькой бородкой и волосами, собранными в хвостик.

- Вам нравится Моне?

- Да, - кивнула Дина. - У нас в музее есть несколько его картин.

- Вы говорите с акцентом. «Откуда вы?» —с удивлением спросил он.

- Из Москвы.

- Я не был там, - он смущённо улыбнулся. – Я, в общем-то, почти не выезжал из Парижа. - Художник теребил в длинных пальцах кисть, незаметно рассматривая девушку. – Если хотите, я могу показать вам город?

Дина посмотрела на часы: она уже опаздывала.

- К сожалению, я должна идти. Сегодня уезжаю.

Он понимающе кивнул. В его проникающих в душу глазах промелькнуло сожаление.

Дина бежала к метро, чувствуя, как колотится сердце. Как же глупо, что они так поздно познакомились. Через двое суток она будет в Москве. И снова дом, скучная работа, одинокие вечера.

В расстроенных чувствах девушка выскочила из метро на улицу и стала отыскивать ненавистный автобус. Она хорошо запомнила место, где их высаживали в первый день и откуда они должны были уезжать. Автобуса ещё не было, и Динка присела на бордюр, вспоминая художника. Надо же, она даже не узнала, как его зовут.

Дурацкий автобусный тур. Вроде была в Париже и даже не попала в Лувр. Встретила ЕГО, но не успела с ним познакомиться. Девушка раздражённо огляделась: - да где же этот автобус? И где её группа? Она что опоздала?

Но этого не может быть! Они договорились встретиться в семь часов, и она пришла вовремя, если верить её старенькому Романсону. Она покрутила головой и прямо перед собой увидела электронное табло. Этого не может быть: без пяти восемь?! Выходит, она опоздала на целый час, и автобус ушёл без неё.

Какое-то время она ещё металась по площади, надеясь на то, что её всё-таки ждут, а потом села на скамейку и дала волю слезам. Одна в чужом городе! И никому нет до неё дела! У неё даже нет сумки с вещами, которая осталась в автобусе. Скоро стемнеет, а ей негде переночевать. И хватит ли у неё денег на билет, чтобы улететь самолётом? А виза? Когда кончается виза? Она судорожно вытащила паспорт и открыла его. К счастью, у неё ещё есть два дня. Потом пересчитала деньги. Как хорошо, что мама на всякий случай сунула ей денег.

Девушка постаралась расслабиться. Завтра она купит билет, а сегодня спокойно попрощается с Парижем. И, может быть, тот художник ещё не ушёл? Как она могла забыть о нём! Она почти бегом спустилась в метро. Господи, сделай так, чтобы он меня дождался!

Наклонившись над мольбертом, молодой человек делал последние штрихи. Внезапно он выпрямился и увидел Дину, пересекающую площадь. Дальнейшее было, так, как она себе представляла: они медленно пошли навстречу друг другу, пока его руки не легли ей на плечи, а губы, прошептав что-то нежное, не коснулись её полуоткрытых губ.

От отца художника Шарлю досталась крошечная мансарда на Монмартре и талант к живописи. Он зарабатывал на жизнь, рисуя пейзажи обожаемого им города и продавая их туристам. Конечно, мечтал, что однажды станет знаменитым.

Динка провела с ним два совершенно счастливых дня. Они гуляли по набережным Сены и засыпали на рассвете в объятиях друг друга. А ещё он начал рисовать её портрет, который собирался закончить по памяти и привезти ей в Москву.

Вернувшись домой, Дина с трудом заставила себя вернуться к повседневной жизни. Какое-то время она ещё чувствовала себя счастливой, но Шарль не звонил, и с каждым днём она всё больше и больше теряла надежду.

- Да пойми же ты, наконец, ты была для него всего лишь приключением! – в сердцах сказала Алла, когда они вдвоём сидели на маленькой кухне за чашкой чая.

- Неправда. Я чувствовала, что он любит меня. У него что-то случилось.

- Очнись, Дина. Он не придет! Прошло уже три месяца. Он давно забыл тебя. – Практичная Алла не могла поверить, что её подруга так серьезно восприняла то, что обычно называют курортным романом.

Голос Дины был тих и печален, по бледному лицу текли слёзы, размазывая тушь.

- Пусть даже так. Но никто не сможет отнять у меня мою сказку. Я провела два счастливых дня с любимым человеком в самом прекрасном городе на свете. И я жду от него ребёнка!

* * *

Четырнадцатого февраля, когда Динка смотрела телевизор в одиночестве, в дверь позвонили. На пороге стоял Шарль с красной розой в руке. Он выглядел растерянным, словно не был уверен, примет ли она его.

Динка столько раз в мечтах рисовала себе, как он придет. А когда это, наконец, случилось, она просто застыла на одном месте, не в силах выдавить из себя ни слова.

Шарль молча протянул ей розу, и она, сжав стебель в руке, посторонилась, чтобы дать ему пройти. В узенькой прихожей они не отрывали друг от друга глаз, пока он не решился обнять её.

- Я люблю тебя, Динка, - шепнул Шарль на русском языке с чудовищным акцентом.

- Ты выучил русский? – удивилась девушка.

Он улыбнулся.

- Очень плохо. Но мне хватит слов, чтобы сказать, что я, наконец, понял, что без тебя моя жизнь не имеет смысла.

Попутчица

Капитуляция оказалась безболезненной. Простенькое кольцо с маленьким бриллиантом, несколько с трудом выдавленных слов и ее счастливые глаза. О том, что давал себе зарок не жениться, вспоминать не хотелось. Объявить друзьям и знакомым не хватило духу, боялся, что засмеют. Алексея Водолеева, молодого директора иностранной компании, выгодного во всех отношениях жениха, такие феи обхаживали, устоял, а тут обычная девушка. В толпе не заметишь. Вот только глаза необыкновенные, не в том смысле, что красивые или выразительные, а какие-то лучистые. Когда смотрит на тебя, словно в счастье купаешься. И еще улыбка. Но кому это объяснишь?

Познакомились в поезде. Когда Алекс вошел в купе, она уже заняла место у окна. Сел напротив, отметив, что попутчица явно не в его вкусе. Личико кругленькое в веснушках, рот великоват, фигурка, насколько мог рассмотреть, слишком пухленькая. Поймав его взгляд, девушка приветливо заметила:

- Вы не удивляйтесь, что улыбаюсь все время. Я ... просто счастлива.

Водолеев снисходительно кивнул, ничего не уточняя. А она, как ребенок, который всенепременно хочет похвастаться новой игрушкой, тут же выложила, что в Париж едет. Собирался он сказать, что ничего особенного в этом городе нет, да она опередила.

- Я, знаете, всю жизнь мечтала туда попасть, несколько лет деньги копила. Даже французский выучила. Боюсь умереть от счастья, когда Елисейские поля увижу или Эйфелеву башню.

Алекс захлопнул рот с такой силой, что стукнул зубами. Да разве можно этого ребенка расстраивать?! Пусть сама увидит, что поля эти воспетые – обычный бульвар, а творение Эйфеля - уродина железная.

Проболтали всю ночь, а утром Света вышла в Бресте, чтобы пересесть на автобус. Вроде бы в шутку назначила ему свидание у фонтана Медичи, где впервые встретились Модильяни и Ахматова.

Напрасно, покупая билет в Париж, уверял себя, что хочет еще раз увидеть эту мечтательную дурешку, чтобы выбросить из головы раз и навсегда. Не получилось. Попался.

Окна квартиры, которую выбрала Светлана, - Алекс был занят на работе – выходили на железную дорогу. Он попытался возмутиться, но жена повисла на шее:

- Лешенька, да ты что?! Я думала, ты обрадуешься. Будем смотреть в окно и вспоминать, что познакомились в поезде.

Возразить Алекс не смог. Уже начал привыкать к странностям жены. После свадьбы вполне серьезно Света заявила, что умрет, если они расстанутся.

На сон Алекс не жаловался, но тут вдруг обнаружил, что просыпается в одно и то же время. Зеленый свет цифр будильника пронизывал постель, вселяя непонятное беспокойство. Почувствовав духоту, открыл окно. К станции подошел поезд. Двери открылись и через минуту закрылись, не впустив и не выпустив ни одного пассажира. Водолеев вернулся в постель и тут же заснул. История повторилась на следующую ночь. Из поезда снова никто не вышел. Отправившись на работу, Алекс сверился с расписанием. Никаких поездов, которые останавливались на станции, не значилось. Холодок разгуливал по спине, подбирался к сердцу, осыпал мурашками руки. Рассказывать жене не хотелось, но в четыре утра, прилипнув к окну, Водолеев опять увидел странный состав. Повинуясь неясному зову, оделся и вышел из дома. Снежинки, кружась, спускались на черное пальто,

чтобы через мгновение родиться в новом состоянии. «Человеку так не дано, он всегда тот же самый», - подумал Алекс. – Сколько не бейся, судьбу не перехитришь. Вот взять его, к примеру. Строил планы, кое-чего начал добиваться, уже думал, что вырвется из трясины, а потом... женился. Стал как все. Где теперь его мечты? Выходит, связала его Светка». Очередная красивая снежинка на рукаве, смеясь над ним, превратилась в каплю. Раздраженно стер ее пальцем. У меня нет другой жизни, и у тебя не будет».

Поезд ждал, приветливо распахнув двери. Водолеев взлетел по ступенькам.

Собственное счастье казалось Свете пугливым. По этой причине она не рассказывала об Алексе подругам и никого, даже родителей, не пригласила на свадьбу. Напрасные предосторожности. Некоторое время после того, как муж ушел, не оставив даже записки, пыталась жить по инерции, пока однажды утром поняла, что не может встать с постели. До сих пор спавшая болезнь, о которой предупреждали врачи, дала первые мощные ростки на подготовленной депрессией почве.

Двери захлопнулись, в тамбуре вспыхнул яркий свет. Когда Алекс смог разлепить веки увидел перед собой девушку в розовой форме. Светлые кудряшки выбивались из-под беретки.

- Вы проводница?

- Да, - улыбнулась, словно снегурочка на детском празднике. – Проходите скорее, поезд сейчас тронется.

Вагон оказался пустым, лишь посередине на возвышении стоял новенький двухколесный велосипед, какие выпускали пятнадцать лет назад. Пацаном мечтал о такой игрушке, но мама тянула их с сестренкой, денег только на еду и самое необходимое хватало. Вот тогда-то он и решил, глядя на мать, брошенную отцом, что никогда не женится, а еще станет богатым и знаменитым, чтобы отец пожалел, что выкинул его из своей жизни. Алекс не удержался, стащил велик вниз, уселся. Думал, ноги будут волочиться, а он впору оказался. Провернул педали и вернулся в детство, о котором не любил вспоминать. Только теперь все иначе оказалось. Друзья вокруг него крутились, просили прокатиться. Каждый интересовался, когда он гулять выйдет с велосипедом. А как здорово было мчаться с ветерком по берегу сверкающей речки.

Алекс еще смеялся от счастья, когда вдруг почувствовал, что он, хоть еще на велосипеде, но снова в поезде, и ноги по полу волочатся, вроде вырос он.

- Ну как? – поинтересовалась проводница.

- Здорово было. Но откуда...

- Там, – тоненький пальчик вверх ткнула, – все известно.

Алекс прижал руки к груди, понял вдруг, почему девушка в розовой форме.

Поезд между тем мягко тронулся, колеса запели свою песню.

- Следующая остановка через пять минут, - серьезно прозвучал голос проводницы.

Мужчину этого на берегу он сразу узнал по тельняшке. Вечерами мечтал об отце, с которым бы ходил на рыбалку. Представлялся он ему мускулистым, с рыжеватым ежиком волос и обязательно в тельняшке.

- Ну что стоишь, сына? – ласково обратился к нему мужчина. – Бери удочку и садись рядом. Поклев сегодня хороший. Много рыбы принесем.

А потом такое понятное между ними молчание, когда они сидели рядом с удочками.

Мальчишки ему завидовали. Отец, кроме рыбалки еще и на охоту брал.

- Следующая остановка...

Выпускной вечер в школе. Он стоит в толпе одноклассников в новеньких костюмах, воротник рубашки, стянутый галстуком, натирает шею. Объявляют белый танец. Парни стихают, поглядывая на девчонок в воздушных платьях. Сегодня каждая из них принцесса, но Марийка лучше всех. Самая популярная девчонка в школе. Он даже не пытался завоевать ее внимание. Любил издали. И вот она красивой походкой идет через весь зал в их сторону. Забило в груди глупое сердце, все мальчишки повернули головы в ее сторону. Кого выберет? А Марийка к нему подошла! На глазах у всех.

Остановка в прошлом

Семья Чекмаревых подошла к новенькому поезду, из окон которого выглядывали взволнованные пассажиры, успевшие занять свои места. О городе Н слагали легенды. Счастливчики, которым повезло оказаться там, куда не продавали билетов, уверяли, что их жизнь изменилась к лучшему. И вот как-то осенним скучным днем, Сергей ворвался домой, размахивая письмом.

Четырехместное купе с белоснежными занавесками и плюшевыми сидениями оказалось пустым. Пока Сергей – молодой, но уже начинающий полнеть, мужчина – убирал чемоданы, дочь Динка что-то радостно щебетала.

- Мам, посмотри в окно. Маленький человечек помахал мне рукой, - Динка повернулась к матери. Ее непокорные кудряшки выбились из растрепавшейся косы, а личико порозовело от возбуждения.

- Очень хорошо, - Валерия мельком взглянула в окно, даже не заметив маленького старичка среди пассажиров с чемоданами, торопящихся на поезд. Она причесывала перед мутноватым зеркалом свои длинные каштановые волосы. Внезапно, по зеркалу прошла рябь, и на миг вместо себя молодая женщина увидела отражение погибшей сестренки.

- Мам, маленький человечек зашел в наш вагон, - заметила Динка, высовывая мордашку из купе.

- Не кричи так громко! - одернул ее Чекмарев, мечтавший, чтобы поезд поскорее отправился: тогда он мог бы пойти в вагон-ресторан.

- Здравствуйте! – пассажир – ростом чуть выше Динки в кепочке с седой бородкой - остановился в дверях. – Место номер двенадцать. Кажется, это здесь.

- Дина, не мешай! – Валерия посадила дочку рядом, стараясь скрыть разочарование. Зря надеялась, что проведут вечер втроем. Но поезд уже тронулся и любимый с детства монотонный звук колес успокаивал.

В купе вошла молоденькая проводница с сильно подведенными зеленым карандашом карими глазами и приветливой улыбкой. Проверяя билеты, скользнула взглядом по сидящему у окна старичку, который, вероятно по забывчивости не снял, ни плаща, ни кепки.

- Почему не раздеваетесь, холодно? – вежливо поинтересовалась она.

- Скоро выходить, - спокойно ответил маленький человечек.

- Первая остановка будет только через шесть часов, - удивилась проводница.

- Остановка будет гораздо раньше, – пробормотал он, поглубже запахивая старомодный плащ болотного цвета.

- Расписание не меняется уже много лет, - заметила проводница.

Маленький человечек внимательно посмотрел на девушку.

- Впереди мост, соединяющий прошлое с будущим. Каждый выйдет на своей остановке.

Проводница пожала плечами.

- Счастливого пути! Поздравляю вас с тем, что вы оказались в числе счастливиц, выигравших поездку в город N, - бодро пожелала она, жалея пассажиров, которые оказались рядом со странноватым старичком, явно выжившим из ума.

- Может, сходим в ресторан, выпьем шампанского? – предложил Сергей. Валерия посмотрела на Динку: девочка уже зевала.

– Сходи один.

Сергей положил в карман джинсов бумажник и ускользнул из купе.

- Зря постель стелете, спать все равно не придется, - заметил старичок, глядя на яркие пятна фонарей, проплывающих в темном окне.

- Что, значит, зря? - машинально спросила женщина, надевая наволочку на подушку.

- Скоро выходить, - тихо сказал он.

- Проводница сказала, что первая остановка через шесть часов. А до города N ехать сутки.

- Город N принадлежит будущему. Вы еще можете что-то изменить, – он многозначительно посмотрел на Валерию и сделал паузу. – Если присоединитесь к мужу. Ресторан в третьем вагоне, а мы в восьмом.

- Мне надо уложить дочь, - пробормотала Лера, ругая себя за вступление в бессмысленный диалог.

- Тогда вы выйдете на другой остановке, - с грустной улыбкой заметил старичок.

Валерия тщетно пыталась вставить одеяло в пододеяльник дрожащими руками, когда по коридору раздался быстрый звук шагов.

- Началось! - заметил маленький человечек, легко вскакивая с места, чтобы открыть дверь.

На пороге возникла молодая женщина с перекошенным от страха лицом.

- Здесь есть врач? - Ее глаза, скользнув по старичку, остановились на Валерии.

- Я врач, - нехотя призналась Валерия.

- Моей маме срочно нужно сделать укол.

Валерия посмотрела на Динку, которая с интересом прислушивалась к разговору.

- О! Не беспокойтесь! Я почитаю ей вместо вас, - старичок взял книгу из рук Валерии. В его глазах промелькнуло сожаление. – Боюсь, это ваша остановка.

Молодая женщина нерешительно застыла, но незнакомка продолжала настаивать.

– Умоляю, скорее. Мы в предпоследнем вагоне. Во всем поезде нет врача.

Маленький человечек положил книгу на столик и повернулся к девочке.

- Нам пора, малышка.

- Куда пора? – удивленно спросила Динка.

- Нужно успеть, пока наш вагон будет на мосту.

- А как же мама и папа?

- Они тоже выйдут. Каждый на своей на остановке.

- Но я не хочу без мамы, - заныла девочка.

- Нам нельзя опаздывать! – Старичок вынул девочку из кровати и поставил на пол. Заботливо накинул на нее куртку и взял на руки. – А теперь будь умницей и закрой глазки.

Валерия вошла в купе вслед за молодой женщиной. Сильно пахло валокордином. На нижней полке пожилая женщина тяжело дышала, прижимая руку к сердцу. Валерия положила чемоданчик на стол, но вагон сильно трянуло, и она, пытаясь удержаться, схватилась за полку.

Когда Лера пришла в себя, она была пятнадцатилетней девчонкой, барахтающейся вместе с сестренкой в прозрачном озере. Светило солнце, на мелководье резвились

детишки, поднимая тучи брызг. Красный круг выскользнул из рук, девочка испуганно забарабанила по воде ручками. Лера сделала несколько гребков, но голова сестренки уже оказалась под водой.

«Ты же хотела, чтобы я умерла».

Лере хотелось крикнуть, что она не хотела, но как только открыла рот, в него залилась вода. Глотнула и, почувствовав спазм, в горле. Руки и ноги ослабли, тянуло вниз. Перестала сопротивляться, чувствуя, как расплывается лицо Иры. Леру охватило острое чувство вины.

- Что происходит с моей дочерью? Она называет себя чужим именем.

Олег Владимирович – молодой врач психиатрической больницы – снял очки и внимательно посмотрел на сидящую перед ним посетительницу. Мелькнула мысль, что, когда он видит ее, у него портится настроение. Может быть, дело было в том, что мать одной из его пациенток вовсе не казалась расстроенной, скорее она выглядела раздраженной, словно он был виноват в том, что Валерия Чекмарева после того, как ее вытащили из воды после крушения поезда, считала, что ей пятнадцать лет.

- Давайте разберемся, - спокойно заметил он. - Почему она могла называть себя именно этим именем?

- Так звали младшую сестру Валерии, которая утонула, - тихо ответила женщина. - У меня было две дочери. Одну из них – уж так получилось – я любила больше, чем другую. Однажды летом в деревне они пошли на озеро купаться. Я всю жизнь говорила, что смерть младшей сестренки на ее совести. И вот теперь она еще смеет притворяться!

- Ваша дочь на самом деле считает себя Ирой. Ее память заблокировала потерю мужа и дочери. И в комплексе с чувством вины....

- Но мне-то что теперь делать? – с досадой перебила женщина, поправляя прическу. – Теперь у меня их ребенок.

- Но... это же, если я не ошибаюсь, ваша внучка, - заметил врач, чувствуя знакомое раздражение.

Женщина медленно встала.

- Я не желаю ее видеть! Каким бы именем бы она себя не называла, я не смогу любить ее, как Ирочку.

Сергей сидел в ресторане, потягивая виски и поглядывая вокруг. Молодой человек усадил спутницу за стол. До него долетали обрывки фраз. Мимика и жесты у парня были потрясающими, девушка в зеленом платье хохотала до слез. Сергей не мог отвести глаз. Как же этот молодой человек напоминал ему Игоря. Из его уст любая история становилась смешной. Чекмарев завидовал его умению подражать и успеху в любой компании. Сергей заказал еще виски и отмахнулся от воспоминаний. Ему представился шанс получить квартиру и жену в придачу. И все у него получилось: и выписать бывшего друга в никуда, и квартиру на себя оформить после брака с Валерией. А дурачок даже не стал бороться за родительскую хату, просто ушел. И ладно бы совсем ушел, а то бомжевал в их районе.

Чекмарев подумывал о четвертой порции виски, когда услышал скрежет. Вагон начал заваливаться влево. Со столиков полетели стаканы, тарелки. Послышался звон разбившейся посуды. Что-то тяжелое вдавило его в окно, возле которого он сидел. Он застонал от боли.

Сергей плыл на лодке к противоположному берегу реки. На песке стоял Игорь, босой, лохматый. Протянул руку, помог выбраться.

- Ну, здравствуй, друг!

Чекмарев отвернулся, пытаясь освободить пальцы.

- Мы всегда будем вместе. Я мог уйти там, но здесь нет, – левой рукой Игорь властно взял его голову и повернул к себе. – Смотри мне в глаза. Ты увидишь, что было после. – Я любил свой дом и свою жену.

Сергей зажмурился, но кто-то невидимый раздвинул веки. Церковь, гаражи, помойка. Запах старых одеял и вкус сгнившей пищи. Пластиковый стаканчик, в который падают монетки. Звон колоколов.

Девочка в зеленых башмачках

Лишний бокал вина сыграл со мной плохую шутку: я потерял контроль и послал СМСку.

«Мы давно не поздравляли друг друга с праздниками», - написал я ей через полгода молчания. Она не ответила. Я испугался. Когда люди не отвечают, всегда думаешь, что с ними случилось самое плохое.

«Просто напиши, что с тобой все в порядке», - настаивал я.

«Жива-здорова. Часто думаю о тебе».

Меня понесло. Она думает обо мне. А я продолжаю вспоминать ее, и каждый раз, когда варю кофе, понимаю, что не сварю такой же вкусный, как у нее дома.

«Почему ты прервала нашу переписку?»

«Мы больше не можем встречаться, но я благодарна тебе за все. Прости».

Простить? За что? За то, что отмалчивался столько времени, сделав вид, что между нами ничего не было? Мне стало стыдно, что я разворошил прошлое. Недосказанность давала надежду, что мы когда-нибудь будем вместе.

В конце концов я выдавил из себя:

«Прощаю любя».

Удалив ее телефон, на краткий миг испытал освобождение: номера наизусть я не помнил. Все кончено. Забуду ее, чего бы мне это не стоило. Ни за что на свете больше не хочу испытывать подобных чувств.

Впервые я увидел Александру в купе поезда: волосы заплетены в две тощие косицы, голое без косметики лицо с тяжелой челюстью, широкие невыщипанные брови. Из жалости – она была совершенно одна - мы приняли ее в компанию, о чем никогда не жалели. Когда наша знакомая что-то комментировала, мы умирали со смеху. А еще Саша умела изумительно слушать, и мне нравилось рассказывать о себе. Я не понял, когда влюбился. Сначала мы с женой лишь посмеивались над ней и частенько приглашали в гости.

Начну с вечера, когда все изменилось. Людмила посадила нас рядом, устроившись напротив в кресле с бокалом вина, и спокойно – выдержки ей было не занимать - спросила:

- И долго все это будет продолжаться?

- Что ты имеешь в виду? – вскинулась моя девочка, заерзав на диване и косясь в мою сторону.

- Не прикидывайся дурочкой. Вам достаточно долго удавалось меня обманывать. Даже подумать не могла, пока однажды не перехватила СМСку. Вот я и пригласила тебя в гости, чтобы кое-что проверить. В нашем доме – она сделала ударение на слове «нашем» - очень удачное расположение зеркал. Когда открыла входную дверь, поймала ваши отражения. Сказать, что вы делали?! Думаю, знаете. – Она сделала глоток вина и откинула густую прядь волос назад.

Девочка моя только-только приехала к нам в гости: и я как полный идиот, воспользовавшись тем, что мы остались одни, слишком надолго приник к ее губам.

- О чем ты, Люда? Мы просто друзья! – отпирались «Зеленые башмачки». – Ты что-то не так поняла.

Я снова жалел ее и ругал себя последними словами.

Людмила махнула рукой и повернулась ко мне.

- Может, скажешь, что ты нашел в ней?

Наверно, если бы напротив моей жены было зеркало, она бы с удовольствием в него заглянула, чтобы сравнить себя с соперницей и убедиться в том, что я полный болван. Но я не чувствовал себя болваном, мне лишь снова стало больно.

Так и не ответив, я встал с кресла, чтобы налить виски. Девочка моя предпочитала крепкие напитки. В ней, вообще, было много мужского: она с удовольствием чинила сантехнику, прибивала полки. Родители что-то напутали с именем, назвав ее Александрой. Ну а она дальше путалась по жизни: не красилась, кое-как закалывала волосы, не носила каблучков. Наверно, меня и привлекло в ней, что она не старалась понравиться ни себе, ни другим. Весь ее облик кричал: полюбите во мне личность. Откликнулся лишь я, да и то когда жалость проела мне сердце, и я просто коснулся ее, желая утешить. Саша потянулась ко мне с такой тоской, как бродячая собака на улице. Мне казалась, что ее кожа прирастает к моей, не желая отпускать. Оставить ее в тот момент, было все равно, что обидеть ребенка. Я думал об одной единственной встрече, но все оказалось сложнее.

Что я нашел в ней? Не мог бы ответить на Людкин вопрос, даже если бы хотел. Единственное, в чем мог признаться: стал дико несчастлив. Произошло страшное: научился чувствовать. Если она грустила, я знал об этом за сотни разделяющие нас километров. Приходя с работы зимними вечерами в наш уютный дом, я переживал, что моя девочка возвращается в пустую квартиру.

В тот вечер, когда нас подвели зеркала, мы уехали с Александрой в ее маленький городок и провели совершенно счастливые зимние каникулы. Я помню ее растрепанную и счастливую. Тогда я не хотел думать, что мне все равно придется вернуться, хотя бы чтобы объясниться с женой и забрать свои вещи. Праздники кончились, и я, поджав хвост, уехал домой.

- И не подумай, что я ревную, - заметила Людмила, глядя на меня прямо в глаза. - Мне просто противно.

По молчаливому согласию мы больше не поднимали эту тему, и наша жизнь медленно вернулась в прежнее русло. Я надеялся, что все забуду, но ошибся.

Саша как-то призналась, что видит небо в алмазах, когда мы целуемся. Это звучало банально, но мне никто не говорил таких слов. Своим решением оставить меня, она вырвала мне сердце: я пребывал в уверенности, что всегда буду любим, но у нее оказались свои принципы. Тогда я понял, что могу иметь все что угодно, кроме девочки в зеленых башмачках.

Прошло еще много времени, прежде чем я увидел, что настала осень. Очень давно, поглощенным своим тянущим чувством, не замечал смены сезонов. Желтые листья падали на асфальт и умирали под ногами прохожих. С головой ушел в работу и купил Люде кольцо из сапфиров, о котором она мечтала. Подняв вверх волосы, жена стояла перед зеркалом, пока застегивал замочек на шее. Наши глаза встретились и я, наконец, прошептал «прости». Она сделала вид, что не слышала и заторопилась на кухню, где подгорал пирог.

Я запретил себе думать о «Зеленых башмачках», но однажды нелепо одетая женщина на улице напомнила мне, как Саша купила зеленые ботинки на желтой платформе, которые уродовали ее еще больше. Я чуть не закричал, чтобы она оставила их, но осекся, увидев радостное лицо. У девочки моей не было вкуса, но она умела любить и знала, что без нее мне будет легче.

Хрупкий лёд

1

Регина, зажав в руке ключ от сейфовой ячейки, в сопровождении служащей банка спускалась по ступенькам. Позже она вспомнит, что совершенно ничего не подозревала. Договор купли-продажи квартиры зарегистрирован, сделка подходила к концу. Осталось только забрать деньги, чтобы передать их продавцу коттеджа, в который Регина решила переехать после смерти мамы. Девушка давно хотела иметь большой дом за городом, куда можно приглашать друзей на выходные, да только мама не соглашалась продавать четырёхкомнатную квартиру на улице Серафимовича, из окон которой открывался вид на Кремль.

Регина расписалась в журнале и вошла в хранилище. Замкнутое душное пространство вызвало неприятное ощущение. Она быстро нашла сорок пятую ячейку, вставила ключ и достала увесистую вакуумную упаковку, сквозь которую проглядывали стодолларовые бумажки, уложенные в аккуратные пачки и запечатанные кассиршей месяц назад. Девушка разрезала целлофан лежащими на столе ножницами и начала укладывать деньги. Внезапно что-то её остановило, и она разорвала запечатанную кассиром упаковку. Белые бумажки, аккуратно уложенные в стопку, скрывались под двумя денежными купюрами, которые при ближайшем рассмотрении оказались поддельными. Регина вскрикнула и судорожно начала доставать упаковки и рвать их, пока не убедилась, что это только "куклы". Она хотела закричать, но из её груди вырвался лишь тихий писк. Как такое могло произойти?

Регина специально заказывала пересчёт и проверку денег в банке и собственными глазами видела через окно кассы, как пожилая кассирша запечатывала настоящие денежные купюры. Потом они вместе с покупателем квартиры Германом спустились на лифте в хранилище, и он положил ту же самую упаковку в сейф. Покупатель был даже так любезен, что оставил ей ключ от ячейки, хотя это и противоречило правилам. Но у него был особый случай. На следующий день после сделки он уезжал в отпуск и не успевал к получению документов. Так откуда же взялась "кукла"? Значит, за месяц, пока регистрировался договор, кто-то открывал ячейку? Телефонный звонок прервал её размышления, но так и не вернул в реальный мир. Что же ей теперь делать? Нужно ли вызвать милицию? Телефон продолжал звонить, и она взяла трубку.

- Девушка, что вы так долго? У нас тут очередь.

Регина не узнала свой голос, когда прохрипела в трубку:

- Зайдите сюда.

Служащая банка, женщина лет тридцати в сером брючном костюме, появилась на пороге.

- Ну, что там у вас? Вы не можете поторопиться?

Регина, не в силах вымолвить ни слова, молча показала ей на стол.

Женщина ахнула и зажала себе рот рукой.

- Что делают в этом случае? - спросила Регина.

- Я ... Я не знаю. У нас в банке никогда такого не случилось. Вы же знаете, наш банк один из самых надёжных.

Последняя фраза добила Регину, и у неё даже появился голос, чтобы закричать:

- Мне плевать на ваш банк! Зовите директора, милицию, кого хотите. Кто-то открыл эту чёртову ячейку и положил сюда "куклу". Я не уйду отсюда, пока мне не вернут мои деньги.

Регине казалось, что всё это происходит не с ней. Как во сне, она видела бледное лицо Аркадия, менеджера агентства "Дом", которое занималось продажей её квартиры. Он пытался задавать ей какие-то вопросы, но она только качала головой, не в силах отвечать. Она даже не плакала, лишь сжимала в кулаки трясущиеся руки и прерывисто дышала, чувствуя, как колотится в груди сердце.

Слёзы пришли после, когда она переступила порог уже чужой квартиры и бросила в угол пустую сумку, которую брала для денег. В ней лежал договор купли-продажи квартиры по адресу: город Москва, улица Серафимовича, дом 2 на имя Коваленко Германа Викторовича.

Что ей теперь делать и как жить дальше? Она не очень-то верила в то, что если она подаст в суд, ей вернут её квартиру. А как же тогда быть покупателю? Ведь он приносил деньги, которые пересчитывали и проверяли в банке? Приносил или нет? Это же был не мираж? Она закрыла глаза и попыталась всё хорошенько вспомнить. Они вдвоём, Герман ещё взял с собой свою девушку, находятся в маленьком помещении. Дверь изнутри заперта. За стеклом пожилая кассирша в очках, методично пересчитывает деньги на счётной машинке. Откладывает в сторону купюры, которые вызывают сомнение. Регина не отрывает от неё глаз. За её спиной Герман тискает свою девушку, та хихикает. Всё время, пока длится сделка, они себя так ведут. Их эротичное поведение немного раздражает Регину. Зачем он, вообще, взял эту девицу с собой?

Регина подошла к бару и взяла бутылку виски. Ей надо выпить, иначе она сойдёт с ума. Если ситуация не прояснится, она останется на улице. Кроме этой квартиры у неё ничего нет. Она даже не знает, куда ей пойти ночевать. Единственная подруга Наташа живёт вдвоём с мамой в крохотной квартирке, а родственников у неё нет. У неё даже нет денег, чтобы снять жильё, весь свой накопленный капитал она отдала в качестве аванса за коттедж в Малаховке. Теперь с этими деньгами можно попрощаться. В договоре написано, что если сделка не состоится по вине покупателя, деньги не возвращаются. Но разве её вина, что она стала жертвой мошенников?

Виски обжигает желудок, но не приносит облегчения. Гадкое ощущение, что её кинули, вызывает новый приступ слёз. Теперь они текут по лицу, смешиваясь с тушью. Ей кажется, что она в ловушке. Уже поздно ночью, совершенно пьяная, она чувствует, как отчаяние сменяется злостью. Она грозит невидимому мошеннику кулаком. "Я найду тебя и отомщу. Я не позволю тебе выкинуть меня на улицу".

2

Регина проснулась от телефонного звонка. С трудом приподняла голову от подушки, случившееся сразу навалилось на неё, закрыв солнечное утро. Пропев несколько тактов мелодии, домашний телефон перешёл в режим автоответчика.

- Регина, это Аркадий. Пожалуйста, если вы дома, снимите трубку. Мне надо с вами поговорить.

- Придурок, - выругалась Регина, вспоминая маленького суетливого менеджера агентства "Дом". - Что ты теперь хочешь, если даже не смог защитить меня? С какой-то тайной злостью она подумала, что агентство тоже не получило своих комиссионных. По каким-то непонятным причинам покупатель не захотел снимать отдельную ячейку, а положил все деньги в одну. Регина же дала расписку, что после продажи квартиры она обязуется вернуть положенные им шесть процентов от продажи. Внезапно она в ужасе села на постели: теперь, когда квартира продана, агентство имеет полное право потребовать свои комиссионные. Но она же не получила денег! А вчера Аркадий заявил, что договор был составлен только на оказание посреднических услуг и не гарантировал безопасности продавца. Зачем, вообще, тогда нужны эти дурацкие агентства?

Регина заставила себя встать. Её мутило от выпитой накануне бутылки виски, а от мыслей о будущем бросало то в жар, то в холод. "Дом" будет требовать своих денег, Герман освобождения квартиры. А что делать ей? Она зашла в ванную, чтобы умыться. Собственные испуганные глаза, обведённые синими кругами, поразили её. Она тщательно умылась холодной водой, почистила зубы и заколола волосы. Снова посмотрела в зеркало. Выражение испуга не исчезло, более того, ей показалось, что один глаз начал подёргиваться. Она отвернулась от зеркала. Нужно срочно собраться. Как она собирается бороться, если дрожит, как заяц? В конце концов, она не единственная, кто попался в лапы мошенников. Нужно найти денег, нанять хорошего адвоката.

- Регина, да где же вы? - снова раздался из динамика телефона голос Аркадия.

Теперь она была готова с ним поговорить.

- Да, слушаю.

- Регина, ну, наконец-то. Я уже испугался.

- Испугались чего, Аркадий? - она сама удивилась, как холодно звучал её голос. - Того, что вам не удастся получить ваши комиссионные?

- О чём вы говорите?! Мы же не изверги, чтобы говорить сейчас об этом. Я звоню совершенно по другому вопросу.

Регина почувствовала, что ей стало немного легче. Ну что ж, уже лучше. По крайней мере, одной головной болью меньше.

- Что вы хотели сказать?

- Вероника пропала, и это даёт мне повод думать, что она причастна к тому, что случилось.

- Вероника пропала? - недоверчиво переспросила Регина. - Но вы же вчера сказали, что она заболела.

- Не хотел волновать раньше времени.

Регина нахмурилась. Меньше других хотелось подозревать Веронику.

- Может, у неё что-то случилось? Скорее я подумала бы на Германа.

- Возможно, они работают вместе, - как-то тихо заметил Аркадий. - Ведь именно Вероника привела его к вам, как покупателя. Он мог быть её знакомым. Любовником, в конце концов.

- Но у Германа была другая девушка. Помните, он с ней всё время целовался?

- А вы не подумали, что Герман взял её для отвода глаз. Когда парочка начинает откровенно тискаться, что, как правило, делают другие люди?

- Отворачиваются.

- Вот именно. - Аркадий замолчал, а Регина снова стала вспоминать. После того, как они пересчитали деньги, Герман небрежно бросил их в чёрный пакет. Они спускались на лифте вчетвером: кроме неё и покупателя с девушкой была ещё Вероника. Они опять целовались. Регина на них не смотрела. К тому времени их прилюдное выражение чувств достало её.

- Вижу, что вы задумались, - напомнил о себе Аркадий. - Я, конечно, не берусь ничего утверждать, - он неопределённо хмыкнул. - Это было бы слишком просто и в то же время

гениально. Правда, они не учли одного важного факта: вы не написали расписку о получении денег. Сделка не закончена, пока продавец квартиры...

- Я её написала, - голос Регины сорвался. - Ведь вы же сами просили об этом.

- Я? Нет. Я не мог этого сделать.

Регина внезапно вспомнила:

- Это Вероника заставила меня расписку. Она уверила меня, что бумажка останется в агентстве. Тогда мне показалось это логично, ведь ключ от ячейки покупатель отдал мне. Эта расписка у вас?

Регине показалось, что она ждала ответа слишком долго.

- К сожалению, нет. Это ещё раз подтверждает, что мы оказались жертвами мошенников. - Рядом с ним раздалась мелодия мобильного телефона. - Извините, Регина, мне нужно ответить на звонок.

Девушка услышала короткие гудки. Почему-то ей показалось, что Аркадий слишком поспешно отделался от неё.

Итак, это может быть сделано кем-то из сотрудников банка, потому что у банка всегда запасной ключ, Германом и Вероникой или даже Аркадием. Возможно всё агентство "Дом" занимается подобным мошенничеством по заранее отработанной схеме. Но, что бы это ни было, она разберётся с этим самостоятельно, потому что помощи от правоохранительных органов ждать нечего. Она ещё помнит, как однажды они с мамой наивно полагали, что им найдут украденные вещи. Пока следователь не дал им понять, что старинные иконы и драгоценности уже давно проданы и шансы, что им удастся найти вора, близятся к нулю.

3

Вероника была красивой и умной. И именно это редкое сочетание не давало ей покоя. Почему, столь щедро одарённая природой, она вынуждена прозябать в южном городишке? Сначала она пробовала пробиться там, но дело не продвинулось дальше того, что она стала любовницей одного из женатых влиятельных мужчин, который без зазрения совести, просто пользовался её молодым телом, отделяваясь маленькими подарками.

Когда она разочаровалась в мужчинах, то решила действовать самостоятельно. В конце концов, что может быть приятнее для женщины, чем осознание факта, что она участвует в мужской игре. В своих мечтах она представляла длинный полированный стол, за которым она, одетая во всё самое лучшее, указывает своим сотрудникам, что и как нужно делать, чтобы её корпорация приносила ещё больший доход. О, это было гораздо лучше, чем мечтать, подобно её глупым подружкам о том, чтобы выйти замуж за богатого и уехать. Как-то раз она попросила у "папика", как она его в шутку называла, некую денежную сумму и уехала в столицу в поисках работы. Но, походив по собеседованиям, она поняла, что не хочет пахать целый день за скромную зарплату. Ей нужно много и сразу. В конце концов, ведь есть же у неё голова на плечах. И если нет желания работать, нужно придумать, как украсть.

Всё решилось, когда сидя перед телевизором в съёмной комнатухе, она посмотрела передачу, как целая семья оказалась на улице благодаря ловким действиям чёрного маклера. Внезапно в её хорошенькой головке промелькнули страницы объявлений, где агентства недвижимости заманивали агентов с опытом и без. Вероника возбуждённо схватила газету и набрала первый попавшийся номер. Её сразу пригласили на собеседование в агентство "Дом", где менеджер Воропаев Аркадий возглавлял отдел по продаже элитного жилья.

4

Отдых в Египте совершенно не нравился Герману, и он ругал себя за то, что поддался на уговоры Вероники.

- Ну, ты же не сможешь находиться в Москве и не выдать себя. Ты же слабак, Герка, - она взъерошила ему волосы. - Вернёшься, когда сможешь требовать ключи от квартиры. А я пока найду покупателя.

Герман почувствовал себя униженным. Мало того, что эта девчонка стала организатором, так она ещё откровенно издевалась над ним. Никакой он не слабак. Просто ему нужны деньги. Год назад он попытался открыть своё дело и взял кредит. Затея провалилась, а серьёзные люди, у которых он занял, требовали отдать долг с процентами.

С Вероникой они познакомились в баре. Когда он увидел её: такую уверенную, хорошо одетую, с модной короткой стрижкой, он подумал, что дело закончится романом. Но Вероника, при всей своей вкрадчивости и женственности, обладала мужским характером, а он, несмотря на свою мягкость, всё же не хотел подчиняться. После нескольких встреч решили остаться друзьями. А когда Веронике подвернулась квартира Регины, она предложила ему стать "покупателем".

Его единственная задача состояла в том, чтобы на пару часов принести в банк настоящие деньги, которые были нужны на момент проверки и пересчёта. Вероника же ловко соорудила поддельную вакуумную упаковку и придумала трюк с двумя одинаковыми пакетами.

Герман потянулся к пиву и сделал глоток. Хорошо, хоть в этом отеле бесплатные напитки. С той самой липовой сделки он не переставал дёргаться. Ему было жаль эту милую девушку, которая скоро окажется на улице.

Мобильный телефон спел мелодию Элтона Джона, а определитель высветил имя: "Регина". Ну что ж, он не будет прятаться. Сделает вид, что всё в порядке.

- Герман, у нас случилось несчастье, кто-то взял из ячейки деньги. Нам нужно встретиться и поговорить.

- Мне очень жаль, но я ничем не могу вам помочь, - спокойно сказал Герман, хотя его сердце отбивало глухие удары. - Вы же знаете, что в тот же день вечером я вылетел в Хургаду, где до сих пор нахожусь. К тому же я отдал вам ключ от ячейки.

- Но когда я открыла сейф, там были только бумажки, а квартира уже оформлена на ваше имя, - крикнула Регина.

- Я не знаю, кто это сделал, но, как вы понимаете, у меня такой возможности не было и быть не могло - он сделал ещё глоток пива и впервые обрадовался, что послушался Веронику.

- Неужели вы приедете и выгоните меня на улицу?

Герман почувствовал ком в горле. Чёрт, ему жаль эту девчушку. Но если он поддастся этому неправильному чувству, ему конец. Он заставил себя вспомнить суровое лицо своего кредитора, и это охладило его.

- У меня есть права, как у честного покупателя, и я собираюсь ими воспользоваться. Я не виноват в том, что произошло.

Регина всхлипнула.

- Но неужели вы будете настаивать, чтобы я освободила квартиру? Я собираюсь подать в суд и нанять хорошего адвоката...

- Вы можете делать всё, что угодно, это ваше право, но к двадцатому маю, кажется, так написано у нас в договоре, вы обязаны передать мне ключи. А до этого потрудитесь освободить квартиру.

- Но куда я вывезу вещи? - выкрикнула девушка.

- Задайте этот вопрос тому, кто занимался продажей квартиры.

У Регины возникло впечатление, что эта троица только и делает, что старается свалить вину на другого. Аркадий на Веронику, Герман на Аркадия.

Герман поднялся с шезлонга и направился к бару. Его знобило, несмотря на сорокоградусную жару. Что же будет, когда он приедет в Москву? Почему продавцом квартиры оказалась Регина? Если бы они встретились при других обстоятельствах, он с удовольствием пригласил бы её куда-нибудь для продолжения знакомства. Он опрокинул в себя залпом местную водку и махнул бармену, чтобы стакан снова наполнили. Он знал, что сегодня напьётся.

4

- Привет, дорогая! Как у тебя дела? Когда сделку будем обмывать? - Наташин голос звучал так весело, что сердце Регины жалобно заныло. Если бы её не кинули, она бы уже оформляла покупку коттеджа. Неужели это возмездие? Её мама всегда была против продажи.

- Меня обманули, - тихо сказала Регина и вкратце пересказала ситуацию своей подружке. Выругавшись, Наташа быстро сказала:

- Подожди, я приеду. Только не плачь, безвыходных ситуаций не бывает.

Наташа бросила трубку, а Регина легла на диван. "Ещё как бывают", - мысленно ответила она подруге. Она ощущала себя беззащитным зверьком, загнанным в угол. Впрочем, даже этот угол ненадолго. Из разговора с Германом она поняла, что рассчитывать на его сочувствие бесполезно.

Наташа появилась через полчаса и бросилась к Регине на шею. Они обе всплакнули, а потом Наташа деловито уселась на диване и достала записную книжку.

- Послушай, давай перейдём к делу. Я буду задавать вопросы, а ты отвечать. Сейчас мы вместе разберёмся, что произошло и составим план действий.

- Задавай, - вздохнула Регина. - Может, я и сама что-нибудь пойму.

- Вопрос первый: откуда взялась Вероника, если я не ошибаюсь, так звали твоего агента?

- Я позвонила по рекламе в агентство, и она пришла оценить квартиру. И ты знаешь, я сразу почувствовала уверенность, что с ней всё будет в порядке. До этого ко мне тоже приходили риэлторы, но они мне не понравились. Чувствовалось, что они только и мечтают срубить огромные комиссионные.

- Ну и где сейчас твой агент?

- Она исчезла. Мобильный выключен, домашнего никто не знает. Она снимала квартиру в Москве. Может, у неё что-то случилось?

- Ты не думаешь, что это Вероника?

- Я уже не знаю. Аркадий тоже на неё думает. Но как это могло произойти? Ведь я же пересчитывала деньги в кассе. Они были в упаковке.

- Ну хорошо, а потом?

- Потом мы спустились на лифте в хранилище.

- Они могли в этот момент передать деньги друг другу?

- Чисто теоретически могли. Я на них не смотрела, потому что Герман всё время тискался со своей девушкой. А зачем там была эта девушка?

- Герман хотел сначала на неё квартиру оформить, а потом передумал.

- Всё понятно. Они передали деньги в лифте, и в сейф положили уже бумажки, торжествуя воскликнула Наташа. - Классический случай обмана: продавцу показывают настоящие деньги, он клюёт на это и расслабляется.

- А ты не думаешь, что кто-то открыл ячейку, пока документы находились на регистрации?

- Абсолютно исключено. Сама подумай, если бы кто-то, подделав договор, открыл ячейку, то зачем класть туда "куклу"? Так что, если хочешь моё мнение, то настоящих долларов в ячейку никто не клал. Ты собственными глазами видела, как покупатель положил "куклу". А деньги они передали друг другу в лифте. Девушку, с которой они

целовались, взяли для отвода глаз, чтобы ты на них внимания не обращала. Ведь неприлично же смотреть, когда целуются, правда?

- Не может быть?! Ты уверена?

- Одна из версий, конечно. Но надо проверить.

- Значит, и Аркадий с ними?

- Не думаю. Фирма их, насколько я понимаю, работает, Аркадий никуда не скрывался. Пропала только Вероника, и покупатель зачем-то в Египет укатил. Кстати, специально, наверное. Иначе ему бы пришлось тоже выходить на сделку. Я немного в этом разбираюсь, помнишь, я как-то в агентстве поработала полгодика. И можешь мне поверить, что покупатель крайне редко оставляет ключи от ячейки и уезжает куда-то тоже. Вдруг что-нибудь случится и придётся договор переподписывать или документы какие-нибудь доносить.

- Так и что же делать-то теперь? - всхлипнула Регина. Больно думать, что Вероника, которой она верила, подставила её. Неужели она так и не научилась разбираться в людях?

- Дай-ка мне договор купли-продажи.

- Зачем?

- Адресок покупателя посмотрю.

Регина вытащила из папки злосчастный договор и передала Наташе. Наташа долго изучала его и потом присвистнула:

- Ой, да он же молодой. Смотри, всего на три года тебя старше. Двадцать пять лет.

- Это имеет значение?

- Конечно, имеет. И живёт он в Москве. Подожди, я сейчас выясню его номер телефона.

- Наташа набрала номер какого-то своего знакомого и продиктовала ему паспортные данные, потом протянула Регине бумажку.

- Звони.

- Зачем, если Герман в Египте?

- Информацию будем собирать. Живёт он там или нет? Может, мама ответит или ещё кто-нибудь?

- Я не могу, - Регина положила листок на журнальный столик.

- Дай-ка я, - Наташа схватила трубку телефона и начала набирать цифры. - Тебе нельзя раскисать, - заметила она, слушая длинные гудки и поглядывая на подругу. - Действовать надо, иначе на улице останешься.

Регина сходила в ванную и умылась. Наташка права, нужно прийти в себя и выяснить, кто же её обманул. И наказать их. Она посмотрела на своё бледное лицо в зеркале и вздёрнула подбородок.

Наташка появилась у неё за спиной.

- Телефон не отвечает. Собирайся и выходи. Поедем к нему, с соседями поговорим.

- Зачем тебе это? - одна мысль, что она должна что-то выслеживать, вызывала у Регины дурноту.

- Ещё раз тебе говорю: не повредит любая информация. Нужно доказать, что он виновен. Пообщаемся с соседями и узнаем, где он работает, и откуда у такого молодого парня взялся миллион долларов. Кстати, подруга, а тебя это раньше не насторожило?

- Я не знаю, - Регина уткнулась Наташке в плечо, чувствуя себя полной идиоткой. Как жаль, что ты тогда уезжала и не могла присутствовать на сделке.

- Ничего, мы выкрутимся, - девушка похлопала Регину по плечу. - Мы обязательно что-нибудь придумаем.

Когда в дверь позвонили, Герман решил, что это кто-нибудь из соседей. Гости с улицы пользовались домофоном. Он бросил беглый взгляд в зеркало и провёл рукой по непричёсанным волосам.

Перед ним стояла Регина. В этот момент он пожалел, что не может захлопнуть дверь у неё перед носом.

- Привет, можно войти? - спросила девушка совершенно обычным голосом, словно она на самом деле была его соседка, забежавшая за сахаром.

- Заходи, - Герман отодвинулся и пропустил девушку в коридор. Пару минут они молча смотрели друг на друга. Регина заметил, как плохо выглядит Герман, а он, наоборот, удивился переменам в её внешности. Он ещё при первой встрече понял, что Регина симпатичная, но сейчас, в этом коротком платье, в туфлях на каблуках и при макияже, она выглядела просто обворожительно.

- Как отдохнул? - поинтересовалась Регина.

- Ненавижу Египет, - нехотя ответил он, не сводя с неё пытливых глаз. Вряд ли она явилась, чтобы спросить про отпуск. И, вообще, весь облик этой девушки совершенно не вязался с тем беспомощным созданием, которое рыдало ему в трубку.

- Ты всегда держишь гостей на пороге? - она улыбнулась.

- Подожди минутку, - Герман вернулся в комнату и огляделся. Повсюду лежал толстый слой пыли, возле кровати: раскрытый чемодан, на журнальном столике: недопитая бутылка виски и скорлупки орешков. Она подумает, что я - свинья. Молодой человек быстро запихнул чемодан под кровать, вытер салфеткой стеклянный столик и убрал с единственного кресла одежду.

Они достаточно долго говорили о пустяках, потягивая виски, пока Гера не решился спросить:

- Зачем ты пришла?

Тёмные ресницы Регины дрогнули, стакан звякнул о стеклянный столик. Она откинулась на спинку кресла и с вызовом посмотрела ему в глаза.

- А сам-то как думаешь?

- Не знаю, наверно, просить меня, чтобы я не выгонял тебя на улицу. - Под её взглядом он смутился. - Не знаю.

- Я не думаю, что ты замешан во всём этом, - начала она, и Герман почувствовал облегчение и стыд одновременно. "Только бы не покраснеть, только бы не выдать себя", - он уткнулся в стакан с виски, но Регина больше ничего не сказала.

- И что? - не выдержал он.

- Я думаю, что это сделали Аркадий и Вероника. Кто-то из них получил деньги по поддельным документам. В документах банка я прочитала пункт, что они не несут ответственности за подлинность предоставляемого договора купли-продажи. Ведь я же собственными глазами видела, что ты приносил деньги.

- Да, конечно. - Герман потянулся к пачке сигарет и достал одну. "Вот провалиться бы сейчас куда-нибудь, - с тоской подумал он. - Никогда в жизни не чувствовал себя так погано".

- На самом деле мне нужна твоя помощь. Я провожу собственное расследование. Расскажи мне всё, что ты знаешь о Веронике и о том, как она нашла тебя.

Молодой человек пытался быстро сориентироваться в новых обстоятельствах. Ему даже удалось промычать, что он рад помочь ей, но ничего не знает. Он позвонил по рекламе в газете. Трубку взяла Вероника, она привела его в квартиру.

Регина не настаивала на подробностях, просто сидела и слушала. Причём сидела, как он отметил, очень элегантно: слегка склонив изящную головку набок, так что был виден изгиб её шеи и положив ногу на ногу. Даже вызывающая леопардовая расцветка её платья с глубоким вырезом казалась женственной.

Они пили виски и разговаривали обо всём на свете. Ему даже показалось, что она временно забыла, что стала жертвой. Или ему хотелось, чтобы она забыла. Потому что девушка, которую он видел перед собой, ему очень нравилась. Нравилась настолько, что ему хотелось её обнять. И забыть, забыть обо всём. Между ними ничего нет, кроме того, что он - мужчина, а она - женщина. Когда Регина заговорила после паузы, ему показалось, что она прочитала его мысли.

- Знаешь, а ты мне сразу понравился. Я даже ревновала тебя к той девчонке, которая была с тобой на сделке.

Герман смутился. Почувствовал себя школьником. Покраснел.

- Забудь о ней. Мы расстались.

- Правда? - в её карих глазах зажёгся озорной огонёк. - Так значит, ты свободен или нашёл кого-нибудь в Египте?

- О чём ты? Там такая жара, что ничего не хочется. Ты красивая, Регина. Очень.

Она пересела к нему на кровать и обняла за шею. Слегка прикоснулась к губам, пробуя их на вкус, потом отстранилась:

- С того самого дня как я увидела, как ты целовал ту девушку, мне хотелось оказаться на её месте.

Герман смотрел на неё и не решался. Он знал, что поцелуй изменит всё. Между ними что-то происходило, и он не мог дать этому название. Любовь? Слишком рано. Страсть? Слишком не вовремя. А, может, именно то, что он обманывал её, придавало особый смысл всему? Он даже на краткий миг осмелился пометать, что она простит его, если узнает. Простит, потому что будет влюблена. Он расскажет о кредиторах и растущих процентах. И о том, как его хорошо просчитанный проект рухнул вместе с его мечтами разбогатеть. Впрочем, не надо думать об этом. Эта красивая девушка хочет, чтобы он её поцеловал, и в эту единицу времени в этой вселенной - это самое главное!

6

Герман проснулся от знакомой мелодии мобильного телефона. Вскочил с постели и взял его в руки. Высветившаяся надпись "Вероника" заставила его воровато оглянуться на спящую Регину и быстро перейти на кухню.

- Ну что, нас можно поздравить? - голос Вероники звучал нарочито весело. - До того, как ты получишь ключи, осталось несколько дней. Я дала рекламу. У меня уже есть несколько клиентов. Думаю, мы быстро справимся с продажей.

- Послушай, - Герман прикрыл дверь и понизил голос. - Кое-что произошло. Тебе не стоит мне звонить. Лучше я сам тебя наберу.

- О чём ты? - в голосе Вероники зазвучали недоверчивые нотки. - Говори сейчас же, или я приеду.

- Ни в коем случае, - он понизил голос до шёпота. - У меня дома Регина. Она пришла ко мне за помощью. Она меня не подозревает.

- Но сейчас всего лишь девять часов! - взорвалась Вероника. - Она у тебя ночевала?

- Так получилось. Она пришла поговорить.

- И ты трахнул её? Послушай, Герка, мне не понятна игра, которую ты ведёшь. Имей в виду, что расписка о том, что твоя пассия получила бабки за проданную хату у меня. Без неё сделка не действительна. И даже не пытайся меня кинуть!

- Успокойся, я не собираюсь. Будет удобнее, если она будет под контролем. - В этот момент он услышал шаги Регины в коридоре. Герман быстро закончил разговор и стёр все входящие и исходящие звонки. На всякий случай, если Регине вздумается покопаться в его мобильном.

- Я разбудил тебя? - он подошёл к девушке. В его чёрной рубашке, надетой вместо халата, она выглядела очень сексуально.

- Что-нибудь случилось? - Регина заглянула в его глаза.

- Небольшие проблемы, - отмахнулся он.

- Не волнуйся, я уже ухожу, - Регина повернулась спиной и пошла в спальную. Оставшись один, он почувствовал, что не может её отпустить. В конце концов, один день ничего не решает. Можно выключить все телефоны и не открывать дверь.

Когда он вошёл в комнату, Регина одевалась.

- Ты куда-нибудь спешишь? - он взял из её рук леопардовое платье и положил на кресло.

- Я - нет, но ты же сказал...

- Неприятности могут подождать, а этот день я хотел бы провести с тобой, - он подхватил Регину на руки и отнёс в постель.

7

Соседи считали их счастливой молодой парой. Они жили в новом коттедже в Кратово. Их участок, был не такой большой, как собиралась покупать Регина, но зато на нём росли сосны.

Всё было хорошо, кроме прошлого, которое не давало девушке покоя. Тогда, так, не придумав ничего лучшего, она последовала совету Наташи: "выйти замуж за Германа". То, что она считала абсурдом, оказалось единственно надёжным: она могла законно проживать в доме супруга, а в случае его смерти оказывалась единственной наследницей.

Когда они нашли настоящего покупателя: денег хватило и на покупку коттеджа, и на оплату долгов Германа, и даже на то, чтобы Вероника отдала расписку.

Впрочем, о Веронике Регина только догадывалась, потому что Герман взял на пятьдесят тысяч долларов больше. А она в точности знала сумму, которую был должен её благодетель. Герман, конечно же, не подозревал, о том, что за его спиной она вела переговоры с его кредиторами, чтобы её снова не обманули.

Когда всё благополучно завершилось, она почувствовала растерянность. Из тщательно разработанного плана невыполненным оставался один пункт: она должна была отомстить. Тому, кто обманывал её так долго. Тому, из-за кого она потеряла веру в людей. Она хотела отомстить за свои бессонные ночи, когда она всматривалась в лицо своего мужа, думая, как его уничтожить. Иногда ей казалось, что если бы Герман рассказал ей правду, она бы его простила. Потому что, несмотря ни на что, он ей нравился. Но то, что он однажды обманул её и продолжал обманывать, не давало ей покоя. Она медлила, потому что надеялась на исцеление, но через полгода поняла, что зашла в тупик.

8

Регина хорошо каталась верхом. Вместе с Наташей они посещали уроки верховой езды и даже несколько раз участвовали в походах. Тогда-то она и познакомилась с дядей Пашей, который организовал небольшой дом отдыха, куда можно было приехать и вдоволь накататься на лошадях. Последний раз Регина с подругой ездили туда прошлой зимой. Они чуть не утонули, когда легкомысленно решили пойти по едва замёрзшему льду в ближайший магазин.

На рождество Регина поехала туда с Германом.

Дядя Паша предупредил Регину, что опасно переходить реку. Зима началась в этом году поздно, морозы начались всего с неделю. Она горько улыбнулась: тонкий лёд соответствовал её замыслу. Впрочем, она успокаивала себя мыслями, если судьбе вздумается наказать её, погибнет она.

В этот день они долго катались по снежным тропикам, послушные обученные лошади сами выбирали дорогу, чтобы не поскользнуться. Внезапно она почувствовала, что больше не может выносить неопределённости. Уверенной рукой направила лошадь к

переправе и, остановив на берегу, спрыгнула. Взяла под уздцы, похлопала по шее и, прижавшись лицом, попросила прощения.

- Давай перейдём через реку, - крикнула она Герману, который ехал за ней.

- Я думаю, что это опасно. Мы можем провалиться под лёд.

- Ты боишься? Тогда я пойду одна. В местном магазинчике есть хорошее вино.

Герман с сомнением смотрел на замёрзшую реку. Он снова крикнул, но налетевший ветер унёс его слова. Регина уже спустилась на лёд. Маленькая фигурка в чёрной куртке уверенно вела большого рыжего коня.

Он медлил, не решаясь. На самой середине Регина повернулась и помахала ему рукой. Он не простит себе, если она будет считать его трусом.

Герман спешился и взял коня под уздцы. "Ну что у неё за выходки", - подумал он с раздражением, выходя на лёд.

Регина уже была на противоположном берегу. В безопасности. Он заставил себя поднять руку и махнуть ей.

Неожиданно он почувствовал, что лёд треснул. Нога ушла под воду. Он непроизвольно схватился за поводья, но, резко подняв голову, конь метнулся вперед. Мгновение он висел на поводьях, с ужасом, наблюдая, как трескается под копытами лёд. Ещё одно движение, и сильное животное, вырвавшись, отпрыгнуло в сторону.

В звенящей тишине раздался отчаянный крик Регины. Герман барахтался в ледяной воде, чувствуя, как стынет от холода тело. Сделав последнее усилие, он подтянулся на льдине, но, надломившись, она увлекла его в тёмную обжигающую воду.

Праведник поневоле

Людей, переживших клиническую смерть, считают везунчиками. Далеко не каждому судьба дает шанс вернуться с того света. Юрий Голубев думал так же, пока сам не оказался в реанимации.

Боль в груди казалась невыносимой. Юрий то выныривал в жизнь, то снова проваливался в темноту, где повсюду горел огонь. Он открыл глаза.

- Не отпускайте меня туда! Не отпускайте! – закричал он.

Врач впервые видел пациента в таком ужасе. «Бог мой! Да что же он видит-то там?» - подумал хирург.

Огонь усиливался, Голубев чувствовал, как обугливается его тело, задыхался от запаха собственного горелого мяса. Его окружили животные, похожие на огромных крыс с мордой свиньи и голым хвостом. И эти розовые крысы-свиньи, не боящиеся огня, смачно откусывали по куску от его тела с разных сторон. Пытке не было конца, Юрий молился, чтобы животные не добрались до сердца.

- Помогите мне! Помогите! Верните меня! – крикнул Голубев.

Розовые животные исчезли, Юрий оказался в кольце змей, они обвивали его клубком, мешая дышать; одна из них, с высунутым острым язычком, приближалась ко рту. Мужчина отворачивался, задерживал дыхание до тех пор, пока губы не открылись помимо его воли. Жаркий горячий воздух ворвался внутрь вместе с гибким телом змеи.

Голубев пришел в себя в палате: зеленоватые стены, белый потолок, яркие лампы дневного света. Юрий осторожно повернул голову и, увидев задремавшую на стуле жену, быстро закрыл глаза. Он боялся встретиться с ней взглядом. Ему казалось, что только у его Ирины такие добрые и грустные глаза, в которых никогда не бывает осуждения. Иногда он с трудом сдерживался, чтобы не бросить ей в лицо, что давно не любит ее и живет с ней только из-за дочери. И еще – это трудно объяснить – но из жалости тоже, не может представить, чтобы она также ждала другого. Юрий не сомневался: любой мужчина будет ей изменять: скучно жить с человеком, который кладет свою жизнь ковриком под твои ноги. Я здесь, я твоя, я не могу без тебя. Прощу, чтобы ты не сделал. Люблю, несмотря ни на что.

Так что же с ним все-таки было? Неужели он вернулся с того света? Даже сейчас ему казалось, что тело болит от ожогов. И все эти крысы, змеи, Юрий с трудом сдержал стон. Ладно-ладно. Можно согласиться и отвечать за то, что ты сделал, но за то, что только еще было в мыслях...

Он же ведь даже не подписал разрешение на ввоз этого лекарства. Еще все можно отыграть назад. И дать отворот-поворот проныре Вадику. Юрию так и слышался насмешливый голос приятеля.

- Ты крепко подумай над моим предложением, старик. Это тот самый случай, которого ждет каждый из нас, да только не каждому он предоставляется. Посмотри на себя: тебе скоро сорок. А что ты видел? Дешевых шлюх, дурочку-жену, да восьмичасовой рабочий день. А с такими деньгами можно весь мир послать к черту. А всего лишь надо подпись поставить и пропуск в другую жизнь тебе обеспечен.

Послать к черту Голубеву хотелось этого маленького очкастого человечка с кривыми зубами за то, что он озвучил те мысли, которые все чаще и чаще крутились в голове, надоедая своей навязчивостью. Ведь так и казалось, что жизнь заканчивается: и краски померкли, и желаний поубавилось. А уж взгляд в зеркало и вовсе не радовал. Волосы приобрели естественное – как его шутя называла жена – мелирование, пиджак из-за небольшого брюшка приходилось носить расстегнутым, а глаза тонули в складках и морщинах, выдавая пристрастие к крепким напиткам.

А потом случайное знакомство: взгляд задорных глаз, и он сложил к ее загорелым ногам свои тридцать пять лет и понял, что сам готов превратиться в коврик.

Ах, Светка - Светочка, лишь с ней возвращалась молодость, смех ни о чем и секс, где придется. И с женой - с ней тоже приходилось в постель ложиться - он вспоминал Светкины крепкие грудки с розовыми затвердевшими от желания сосками. И тут только не открывать глаз, чтобы не видеть стареющее тело рядом, чтобы забыть о годах. Обмануть ее, обмануться самому. А что делать? Жить-то надо.

Светлана - девочка цепкая, как узнала, сразу ухватила за предложение Вадика. Прильнула к нему своим горячим телом, зашептала на ухо.

- Милый, а как хорошо нам будет, если ты будешь богатым. купишь мне норковую шубку и по колечку на каждый пальчик. А еще мы поедем путешествовать. Весь мир будет у наших ног.

Мужчина зарылся в облачко ее волос, накрутил на палец волнистую прядь, вдохнул чарующий запах молодости: она так говорит, потому что не знает о последствиях. Надо ей рассказать, тогда она узнает цену этому богатству. Он откашлялся и осторожно начал.

- Человек, который будет принимать это лекарство, получит лишь кратковременное облегчение, через полгода начнется отмирание мозга, через пару лет он

превратится в растение. Красвоген запретили во многих странах, – Голубев внимательно смотрел на нее, ожидая реакции.

- Ты говорил лекарство очень дорогое и купить его смогут только богатые?

- Да красвоген не для бедных. Еще будет капать процент с реализации каждой упаковки, - зачем-то добавил он.

- Не думай об этом. Деньги в нашей стране честно заработать невозможно. Так что можешь считать это возмездием.

- А дети?

- И да падут грехи родителей на детей. Может ты и есть тот, кто должен их наказать за богатство? Почему мы должны думать о тех, кто делает на нас деньги. Сделай это ради меня, я так устала быть бедной. – Голубев молчал. Светлана приподнялась на локте, с вызовом посмотрела на него: - Ведь ты же хочешь, чтобы я любила тебя? В тот день она его почти уговорила.

Дома, глядя на суетящуюся у плиты Ирину, Юрия неприятно кольнула мысль: жена сказала бы, что он сошел с ума. Вся ее жизнь была для других: вот и пользовались этим и родители, и подруги, ну и он сам, конечно. Его знакомые называли ее святой. А со святыми жизнь становится в тягость. Постоянно ощущать себя существом второго сорта нелегко. Его так и сводили с ума ее глубокие глаза, которые, казалось, говорили, знаю, какая ты дрянь, но не могу не оправдывать тебя, потому что люблю.

Света ни разу не появилась в больнице, отмахнулась от упреков: «боялась с женой встретиться». Он позвонил ей сразу, как его выписали из больницы. В голове еще стоял туман, но в теле уже пробуждалось желание почувствовать ее руки, губы. Он придумал оправдание для Ирины, она только кивнула: «Будь осторожен». Как он ненавидел ее эти слова: «будь осторожен и береги себя». Как она не понимает, что он хочет жить сейчас и ему наплевать, что будет потом, когда он состарится. Неожиданно Голубев почувствовал легкий укус в ногу, опустил глаза вниз и увидел маленькую крыску-свинью. Она тут же исчезла, словно растворилась в воздухе. «Глюк, наверно», - подумал Юрий, потирая ногу.

Светка открыла дверь квартиры в кружевном черном пеньюаре на голое тело. Юрий схватил ее в объятия, впился в губы. Как же он соскучился. Он не сможет отказаться от нее, что бы ни случилось.

- Хочу тебя! Хочу! – зашептал он ей на ухо.

Кружево упало на пол, с рубашки отлетела пуговица: не разжимая объятий, они опустились на прохладную шелковую простыню. Вдруг Юрий увидел черную змею, спускающуюся по шее девушки. Он потряс головой, думая, что ему это кажется. Темно-зеленая тварь продвинулась по ложбинке и обвила кольцом правую грудь.

Юрий вскрикнул и попытался схватить змею. Перепуганная его возгласом и искаженным выражением лица девушка отталкивала его руки. Через несколько мгновений вся кровать кишела змеями, а одна из них свисала из прелестного ротика девушки, который он только что целовал.

Стараясь не смотреть в сторону любовницы, Голубев натянул брюки и, похватав одежду, выскочил из квартиры. В подъезде, пахнущим кошками, поганных тварей не наблюдалось. Он быстро оделся и, пошатываясь, добрал до припаркованной во дворе машины. Подумал, надо позвонить Свете, что-то объяснить, но при одной мысли о девушке к горлу подкатилась тошнота, и он понял, что больше никогда не сможет ее поцеловать.

Теперь, когда из его жизни исчезла Света, Юрию еще больше захотелось новых ощущений. Трубка телефона, когда Юрий набирал номер Вадима, чтобы договориться о встрече, казалась раскаленной, ладонь вспотела. Пока добирался до кафе, почувствовал себя больным.

- Ну что ж, рад видеть тебя! – Вадик поднялся из-за столика, протянул руку. Скользнув взглядом по Юрию, с ложным сочувствием заметил: - Выглядишь плохо после больницы. Тебе бы сейчас на острова, загорел бы, поправился. – И тут же ухмыльнулся: - Видишь, а ты мне не верил, что жизнь коротка. Ну и как там на том свете? Правда ли, что так хорошо, что и возвращаться не хочется?

- Давай ближе к делу, - попросил он Вадика запекшимися губами, снимая пиджак и ослабляя узел галстука. Юрию было жарко, удобные разношенные ботинки начали жать, словно усохли на два размера. Пол под его ногами становился все горячее. Он достал из кармана платок и стал вытирать мокрый лоб.

- Тебе жарко, да? – проявил заботу Вадик. – Официант, включите кондиционер. – Так вот, Юрий, на самом деле хорошо, что ты потянул время. Наш заказчик готов увеличить сумму, только бы найти рынок сбыта в России. Его единственная надежда на тебя. Проклятые капиталисты уже отказались от красвогена, он теряет деньги.

Юрий закрыл рот рукой, чтобы не закричать. На его глазах официантка превратилась в огромную крысу. Ловко перебирая задними лапами, держа в передних поднос, она приближалась к их столику.

- Что с ней случилось? Смотри! – Юрий схватил Вадика за руку и ткнул пальцем в официантку. – Крыса, крыса! – пораженная девушка с убранными под шапочку волосами застыла, не доходя до столика.

- Что вы себе позволяете?! – возмутилась она, придя в себя.

Крысиная морда превратилась в свиную, Голубев вскочил со стула и оттолкнул девушку от их столика.

- Нет, ты не крыса, ты свинья. Свинья. И ты не укусишь меня на этот раз! Убирайся! Вон! Вон!

Девушка выронила поднос, стаканы разбились об кафель. К их столику подбежал охранник. Вадим, сунув ему купюру, поспешно вывел Голубева из кафе.

- Старик, ты совсем умом тронулся?! Чего ты к ней пристал? Она, конечно, не красавица, но зачем обзывать-то? Нервы у тебя совсем расшалились. Хорошо ведь сидели. Ну что теперь делать? Давай так: я пришлю тебе документы, ты посмотришь, а я тебе наберу через пару дней...

Закончить он не успел, Юрий, видя, как голова Вадика превращается в крысиную, отчаянно замахал руками и побежал, не разбирая дороги, в противоположную сторону.

Покрутив пальцем у виска, Вадик направился к метро, решив, что больше не будет с ним связываться.

Дверь Ирине открыла женщина средних лет. Черные, разделенные пробором, волосы собраны в узел, в ушах длинные серьги. Не ответив на приветствие, она провела гостью в комнату и кивком головы указала на кресло.

Пальцы Ирины дрожали, когда она доставала из сумки заранее приготовленный конверт.

- Возьмите, - прошептала Голубева и вдруг, спрятав лицо в маленьких ладонях, расплакалась.

Как она себя ругала, что, листая газету в ожидании мужа, наткнулась на это объявление. «Верну любимого» обещали печатные буквы. Она схватила телефон, набрала номер, но, едва услышав первый гудок, нажала отбой и отбросила трубку подальше. Уткнулась в вышитую подушку, всхлинула. Ведь она все знает. Добрые люди уже донесли и фамилию, и адрес. И даже фотографию Светланы подруга достала. Она же и настаивала:

«Не будь душой! Верни мужа в семью. Сходи к гадалке. Посети салон красоты. Посмотри, на кого ты похожа». Ира долго вглядывалась в зеркало. Ну и что с того, что она не красится? И одежду предпочитает простую: джинсы, туфли без каблуков, куртки. Да и к чему ей лишние деньги на себя тратить? Вон лучше дочке что-нибудь купить, чтобы выглядела не хуже подружек. Или родителям отдать – на пенсию жить тяжело. А ей ничего не надо. Только мир в доме и чтобы все здоровы были.

Она уже решила не звонить, когда Катя зашла в комнату.

- Мам, не знаешь, когда папа будет? У меня с компьютером что-то, не могу реферат сделать.

- Не знаю, - выдохнула Ирина и отвернулась, чтобы не расплакаться. Дочка взрослая уже, все понимает. Как стыдно быть обманутой. А вдруг он уйдет к этой Светке? Что с ними будет?

Она набрала мобильный номер мужа и услышала знакомую фразу «абонент временно не доступен». Дочка, вздохнув, направилась к двери. И, глядя в ее спину, Ирина вдруг решила набрать те семь цифр, обещавших спасение.

- Да что с тобой? – нервно произнесла гадалка, заглядывая в конверт и поспешно пряча его в ящик стола. – Я же все выполнила, как ты просила. Даже денег с тебя не брала заранее. И раз ты здесь, значит, все получилось. Твой муж больше не встречается с той женщиной?

- Нет.

- Вечерами дома сидит?

- Дома.

- Так что ты хочешь?

- Я вас не обвиняю, Власта. Вы все сделали, как я просила. Но не могу я теперь на него смотреть. Переменился он. Вижу жизнь ему не мила.словно... словно, – она подняла серые глаза на женщину, в которых отразилась такая печаль, что гадалка вздрогнула, - словно душу из него вынули. И еще я хотела спросить: зачем вы этот несчастный случай – когда на него с ножом напали - подстроили? Неужели нельзя было как-то по-другому? Он же ведь в реанимацию попал.

Из глаз женщины потекли слезы. Что она тогда пережила, когда увидела его окровавленного на каталке! А когда сидела с ним в палате, пока он был без сознания! Если бы она могла тогда свою жизнь отдать...

Власта взяла сигарету, прикурила.

- Послушай, чего тебе еще? Заказ выполнен. Ты смотри глубже: муж жив, сидит дома, ремонт делает.

- Откуда вы знаете? – подпрыгнула Ирина.

- Знаю даже, что стал более внимательным. В зоопарк дочь водил.

- В театр.

- Ну, в театр. Так какого же ... тебе еще надо, а? Иди домой и радуйся. Уверю тебя: он в жизни больше ни одну бабу не взглянет.

Ирина вся подалась вперед:

- Пожалуйста, верните все назад. Пусть лучше гуляет, я уж потерплю.

- Вернуть не получится! Я вам честно скажу, когда расклад увидела, мне страшно стало. Знали бы вы, что ему было суждено, если бы не это происшествие в подъезде, вы бы только радовались.

- И что это?

- Загубил бы много жизней других людей из-за своей полюбовницы. А расплачивалась бы за грехи его дочь.

- Наша Катя? – побледнела Ирина.

- Да, ваша Катя. Иди домой, женщина, меня люди ждут.

Ирина не помнила, как пришла домой. Юрий в халате лежал на диване перед телевизором. Домашний, тихий, любимый. Она поцеловала его в висок. Неужели он и, правда, собирался сделать что-то ужасное? Или гадалка соврала? В любом случае возврата к прошлому нет, и придется ей жить с мыслью, что она сотворила.

Из кухни выбежала Катя в фартуке, лицо мукой перепачкано, щечки покраснелись. Глядя на дочь, у Ирины защемило сердце. Господи, так спасла она или погубила? Как жить-то теперь? Уж лучше бы она не вмешивалась. Они бы с Катей ждали его, готовили бы ужин. - Пап, мам, ужин готов! Сегодня я буду кормить вас лазанией. Давайте же мойте руки! Мам, да что с тобой сегодня?

- Ничего, просто устала, - еле выдавила из себя Ирина и потащила в ванную.

За ужином Голубева переводила глаза с одного родного лица на другое. Если бы ей выбирать, кому из них двоих жить, кого бы она выбрала? Ответ пришел сразу: дочь. Ради нее она и пошла к Власте, купилась на обещание «вернуть мужа в семью». Значит, все правильно. Почему же тогда так тошно?

Прежний я

Поезд «Адлер – Москва» уже стоял у перрона. Перед седьмым вагоном я замедлил шаг и вдохнул южный горячий воздух. Ну вот и все. Теперь до следующего года: загорелые девочки, шампанское на пляже и россыпь млечного пути. Окинул взглядом пылящийся поезд, строгую проводницу в синей форме и с наслаждением затянулся сигаретой. Путь предстоит неблизкий, повезло бы с попутчиками.

У окна в моем двухместном купе уже сидела женщина. Волосы то ли светлые, то ли седые, в прическу уложены. Посмотрела на меня и словно душу вынула. Почудилось, что все обо мне знает: и хорошее, и плохое, и за плохое вовсе не осуждает, а вроде... как сочувствует. Поздоровался, устроился на своем месте.

- Ну вот, - вымолвила попутчица, когда поезд тронулся, - доедем мы с тобой до Воронежа, а там на мое место придет девушка. С ней тебе веселее будет.

Принял игру.

- А девушка красивая?

- На Марину Влади похожа, - ответила женщина.

Я кивнул, умолчав о том, что актриса эта мне почему-то очень нравится. Я и книги ее читал, и песни слушал. Есть в ней что-то необыкновенное: не зря Высоцкий сразу в нее влюбился.

- А вы, простите, откуда все это знаете?

- Ольга учиться едет в Москву. Тебе бы надо ее держаться, а то пропадешь. – Попутчица взглянула на меня и не описать как: жалеюще, наверно. Так смотрят на опустившихся друзей в первый раз.

Мне даже обидно стало. Да разве я пропадаю? Ведь при всей своей любви к гулянкам, девушкам и другим удовольствиям, парень-то я неплохой. Универ закончил с красным дипломом, работаю в солидной банке. Родителям на даче помогаю. Недавно, вот, новый дом построили, я весь второй этаж сам отделал.

- Этого мало.

- Да я еще к бабушке приезжаю, продукты привожу на неделю.

- И этого тоже мало, - попутчица улыбалась.

Разозлился, дружки меня святым считали.

- Да ты на других-то не оглядывайся. У каждого свой уровень развития.
- Вы что, кроме телепатии, еще и мысли читаете?
- А ты хотел бы научиться?

Призадумался. Мало ли что люди обо мне думают. Впрочем, что я все о себе. Попадется убийца будущий или террорист. Это же придется что-то делать...

- Даже не знаю, - промямлил я.

И тут совершенно отчетливо понял ее мысль: «Это тебе не вино пить с девушкой на волнорезе». Даже в жар бросило, посмотрел я на попутчицу, а она снова улыбается.

- Видишь, совсем нетрудно. Не нужно заслонку ставить от людей, они хорошие. Будем считать, что первый урок ты прошел. Теперь смотри мне в глаза и ничего не бойся.

Повиновался. Тот мир, в котором жили они, и мир в котором жил я и большинство моих знакомых, различался, как черное и белое. Мы копили и тратили деньги на себя, они развивали способности, чтобы дарить их людям. Завязнув в трясине телевидения, опоенные спиртным и обкуренные до одури, мы проживали каждый день как последний, не заботясь о том, что ждет нас и других завтра. Они исправляли мир, пока мы спали в хмельном угаре и молились о нашем прозрении, продолжая любить нас, ничуть не осуждая.

Досмотреть я не смог, схватил пачку сигарет и выбежал в тамбур. Курить хотелось нестерпимо, но как только сунул сигарету в рот, выплюнул ее и в ярости затушил. Неужели я в том же стаде животных, которых увидел? Живу, чтобы вкусно есть и комфортно спать, слившись в единственном объятии с той, которую завтра же забуду? А несколько дней назад мне казалось забавным, что среди моих южных девочек встречалось так много повторяющихся имен.

В тамбур вышел молодой взъерошенный парень с бутылкой пива. Затянулся сигаретой. И зачем я его просканировал?! Собирался он соседа ограбить, пока тот в ресторан пойдет. Мне совсем поплохело. И что мне с этим даром теперь делать? Уйти спокойно уже не могу. Значит, надо предупреждать. Проследил, запомнил купе, встал неподалеку, вроде в окно смотрю. Когда заметил, что предполагаемый пострадавший вышел, остановил его. Пришлось для этого ясновидящим представиться. Тот, как ни странно, поверил, руку пожал и на место вернулся. Я поплелся в свое купе. Попутчица улыбнулась: о подвиге моем уже знала. Больше мы с ней поговорить не успели. Сраженный новой способностью, я неожиданно задремал и проснулся только, когда женщина свой чемоданчик доставала. Помог ей спуститься на перрон, а она обняла меня на прощанье с таким теплом, словно мы родные.

Марину Влади я узнал сразу. Светло-русые волосы обнимали ее плечи, густая челка до самых бровей. У ног большой чемодан, к груди двумя руками щенка прижала. Проводница с таким багажом пускать ее не собиралась. На оплату собачьего билета ушли все оставшиеся деньги, но я был счастлив, пристраивая ее чемодан поближе к своей сумке.

Оля стояла посередине купе, не решаясь ни сесть, ни сказать спасибо. Тогда я взял из ее рук щенка и посадил на столик. Толстые лапы в белых носочках разъехались в разные стороны, и мы рассмеялись.

- Я назвала его Джеком, - тихо сказала Оля. – Пошла перед отъездом мусор выкидывать, а он там... Голодный.

Наши глаза встретились, и я понял, что она из того же мира, что и женщина с белыми волосами. Скорее сама в пропасть, чем пальчики разожмет, которыми трос держит. Ночью, когда утомленные песней колес, пассажиры заснули, мы прокрались в туалет и вымыли щенка. А потом пили вкусный, какой бывает только в поезде, чай из

стаканов с подстаканниками и вели беседу. Если я начинал какую-нибудь фразу, она ее продолжала. Колеса мягко катились по рельсам, оставляя позади километры и прошлого меня. В Москве мы вышли вместе, моя сумка уютно примостилась поверх ее чемодана, Ольга несла щенка. О том, что мы будем вместе, знали без слов. Родной город, как обычно встретил мелким дождем, серостью нависших туч, но я улыбался угрюмым людям, спешащим навстречу под зонтами, и почти сразу же увидел ответную улыбку пятилетнего мальчугана, а вслед за ним улыбнулась и его мама, а потом были еще улыбки, много улыбок на удивленных лицах прохожих. И пока мы шли, город светлел, а потом, раздвинув тучи, застенчиво выглянул луч солнца.

Умные половинки

Солнечный луч прикоснулся к моему лицу, напоминая, что начался новый день. Зарылась в подушку. Не хочется вставать. Но почему? Ведь в моей жизни полный порядок. А где же тогда настроение? Вкус к жизни? Мне кажется, что знаю ответ. Мне скучно.

Лениво подтянула к себе ноутбук. Вдруг по всемирной паутине пришло сообщение, которое вырвет меня из спячки? Обнаружив ящик пустым, заметила рекламу «Твоя школьная подруга? Узнай, где она сейчас». Я не хочу общаться с одноклассниками. Снова легла и закрыла глаза. Когда же я чувствовала себя счастливой? И тут вдруг вспомнился Витька Воробьев, с которым познакомилась в секции каратэ. Однажды, в пылу борьбы, Воробьев сломал мне палец, и я две недели проходила с гипсом, вспоминая его некрасивое лицо, светлые ресницы и озорные глаза. Мы оба не любили проигрывать. Дождавшись, пока снимут гипс, я снова появилась в секции, чтобы взять реванш. Опасаясь новых травм, тренер больше не ставил нас в пару.

Внезапно в голове появилась шальная мысль: Витька должен быть в «Одноклассниках». Моё новое «я» появилось в сети под знаком Овна. В конце концов, это ошибка, что я родилась в июле. Я же победительница вроде Скарлет О'Хара, любимой героини из немногих прочитанных книг.

Остатки безразличия слетели после просмотра фотографий. Витька на мотоцикле, Витька с парашютом. Я задыхалась от нетерпения. Что дальше? Мой ковбой на лошади. Правильная посадка, мускулистые руки уверенно сдерживают норовистого коня.

Раньше мы дружили семьями. Пока наши интеллектуальные половинки, уютно устроившись в креслах, потягивали вино, мы с Витькой носились по лесу на лошадях, не обращая внимания на хлеставшие по лицу ветки. Когда на берегу речки нам пришлось в голову устроить скачки, счёт снова оказался в его пользу. Улучив минутку наедине, Витька взял меня за руку.

- У нас же с тобой был уговор, что мы никого не обманываем, - предупредила я.

- Ты понимаешь, что мы созданы друг для друга?

- Мы просто сделаны из одного теста, - отмахнулась я, принимая решение, что больше не буду приезжать в их уютный загородный дом.

А потом всё началось сначала. Витька позвонил моему Славе и сказал, что нашёл выгодный заказ. Объяснить мужу свой отказ от дизайна четырёхкомнатной квартиры, оказалось сложно.

Снова встреча семьями. Пока мы, включая нового клиента, гоняли на квадроциклах, мой муж и Витькина жена, Марина, обсуждали книжные новинки. Они казались слишком интеллектуальными для таких животных, как мы, получавших удовольствие от всего быстрого и опасного. Мариша сокрушённо качала головой, смазывая наши ссадины, в то время как мой муж готовил коктейли. При этом они продолжали свою беседу, упоминая фамилии незнакомых нам авторов книг.

И всё же после этих встреч я чувствовала себя счастливой. Мне как ребёнку хотелось прыгать, бегать, петь. На обратном пути вела машину с такой скоростью, что муж каждый раз клялся, что больше не посадит меня за руль.

Решение написать Вите пришло неожиданно. Я коснулась клавиатуры, экран вспыхнул, информируя, что объект моего внимания на сайте. Вздрыгнула и быстро написала.

«Хочешь виртуальный роман?»

Ответ пришёл незамедлительно.

«Кто ты?»

«Называй меня Скарлет».

«Я тебя знаю?»

«Это секрет. Ты классно выглядишь на фотках».

«Я тоже хочу знать, как выглядишь ты».

Я выбрала свою фотографию. Чёрное платье оставляло открытым загорелые плечи, из высокой причёски кокетливо спускался локон белокурых волос. С помощью фотошопа я нацепила чёрную маску.

«Смотри на меня», - написала я Витьке.

«А ты ничего. Сними маску».

«После того, как узнаю тебя поближе».

«Насколько близко?»

«Я хочу знать о чём ты думаешь, когда просыпаешься. Какие фильмы смотришь. Почему у тебя плохое настроение».

«А когда мы встретимся?»

«Через 99 дней. В ресторане «Каскад». Я буду сидеть у стойки бара и пить мартини. Дальнейшее зависит от нас».

«Но почему так долго?»

«Это моя игра, и я устанавливаю правила. Да или нет?»

«Ладно, я в игре».

От виртуального общения с Воробьёвым я ожила. Чаще надевала короткую юбку, напевала, когда готовила обед. Витька из соперника стал моим близким другом, которому я могла рассказать, что угодно.

Неожиданно обратила внимание, что муж стал уделять мне больше внимания. Он, ненавидящий спорт, купил велосипед, чтобы вместе со мной крутить педали в парке. А накануне нашей встречи с Витькой, у нас с мужем случилась волшебная ночь, какой не было уже несколько лет.

И всё же для встречи с Воробьёвым я оделась особенно тщательно. Новое платье оттенка нежной зелени подчёркивало цвет моих кошачьих глаз. Босоножки на каблуках, волосы собраны в строгий пучок на затылке.

Я сидела одна у стойки бара и потягивала мартини. За спиной слышались уверенные шаги. Я медленно повернула голову.

- Привет!

- Что ты тут делаешь? – в глазах Воробьёва промелькнуло удивление, смешанное с досадой.

- Я и есть Скарлет.

Пару минут Витя хлопал светло-зелеными глазами. Ему никогда не приходило в голову, что его так разведут. Но Витька умел проигрывать достойно.

- Ну что ж, твоя взяла. Какой у нас был счёт?

- Теперь ничья. Двадцать четыре на двадцать четыре. Партия.

- Надеюсь, ты не откажешься потанцевать со мной?

Не дожидаясь ответа, Витька пошёл к музыканту, тихонько мурлыкающему песню Стаса Михайлова «Всё для тебя».

В полупустом зале ресторана мы танцевали с такой же страстью, с которой отдавались нашим забавам. Из эффектной позы, в которой мы застыли с последним аккордом, нас вывел звук аплодисментов. Готовые сделать реверанс, мы повернулись и увидели Марину и Славу.

- Что ты здесь делаешь? – обрушился на Марину Витя. – Ты же сказала, что пойдёшь к зубному. - Марина, ища поддержки, взглянула на Славу, но он подозрительно молчал. – Итак, ты читаешь мои письма,

- Мне срочно нужно было найти один адрес, а тебе пришло новое письмо от Скарлет, - она посмотрела на меня. – Как-то ты упомянула, что это твоя любимая книга. Читая ваши письма, я поняла, что наша семейная жизнь под угрозой, раз ты предпочитаешь делиться своими переживаниями со своей виртуальной знакомой. То же самое касалось и вас, - она быстро скользнула по мне грустными серыми глазами. - Я позвонила Славе. Он предложил прийти на вашу встречу.

- И что дальше? – спросила я, наконец, понимая, почему Слава так изменился.

- А что бы ты хотела? – глаза мужа не отрывались от моего лица, и я испугалась, что он встанет и уйдёт навсегда. А я останусь одна. Мне надо было всё объяснить, но я, раба своей гордости, не могла вымолвить ни слова.

- Неужели ты думаешь, что я позволю виртуальному роману разрушить нашу жизнь? – наконец произнёс Слава, взяв меня за руку.

Игра окончена. Один ноль в пользу наших половинок.

